

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ВОДМОНАХЪ

ГОДЪ ХХХІХ.

Еженедѣльное

9 сентября 1907 г.

изданіе.

№ 36.

Редакція открыта отъ 10 до 2 ч. дня.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер.
Епархіальный домъ, редакція
«Моск. Церк. Вѣдомостей».

Объявленія принимаются за
строку или мѣсто строки: за 1
разъ 30 к., за 2 раза 50 к., за
3 раза 70 коп., на годъ—по осо-
бому условію.

Подписная цѣна: безъ до-
ставки на годъ 3 р. 50 к., на
полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р.,
на мѣсяць 40 к.
Съ доставкою и пересылкою
на годъ 5 р., на полгода 3 р.,
на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣ-
сяць 1 р.
Отдѣльные №№ по 10 коп.
Продаются во всѣхъ кіоскахъ
города Москвы.

Въ пятницу, 14 сентября, въ день „Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня“ во Владимірской церкви при Епархіальномъ домѣ послѣдуетъ открытіе религіозно-нравствен-ныхъ бесѣдъ съ народомъ. По этому случаю молебень предъ Жи-вотворящимъ Крестомъ съ актистомъ Страстямъ Христа Спа-сителя совершить Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, митропо-литъ Московскій и Коломенскій, съ преосвященными епископами викаріями и московскими миссіонерами при общенародномъ гѣ-ніи. Бесѣды будутъ потомъ вестись послѣ вечери по воскрес-нымъ днямъ въ теченіе всего года. На нихъ будетъ предлагаться слушателямъ: 1) Изъясненіе св. Писанія, св. Евангелія и Посланій апостольскихъ; 2) примѣры осуществленія въ жизни евангель-скихъ заповѣдей: избранныя мѣста изъ жизни святыхъ; 3) зна-менательные и назидательные факты изъ жизни прошлой, исто-рической и современной; 4) отвѣты съ Евангельской точки зрѣнія

на жгучіе вопросы и выдающіяся событія текущей дѣйствительности. Бесѣды будутъ сопровождаться чтеніемъ акаѳистовъ или умилительныхъ каноновъ. Послѣ бесѣды во время цѣлованія св. Креста или св. иконы будетъ пѣніе вечернихъ молитвъ и бесплатная раздача назидательныхъ листовъ. Любители церковнаго пѣнія и всѣ посѣтители бесѣдъ усердно приглашаются принять участіе въ общенародномъ пѣніи и посѣщать предварительныя спѣвки въ сроки, нарочито для того назначенные. Начало бесѣды 5 ч. дня.

Соціалъ-демократія и исторія¹⁾.

(Продолженіе. См. № 35).

Я охотно соглашаюсь съ тѣмъ мнѣніемъ соціалъ-демократовъ, что исторія позднѣйшихъ временъ много погрѣшала, что новые историки съ своей партійной точки зрѣнія, по обстоятельствамъ, иногда помимо своего желанія, а иногда руководствуясь низменными побужденіями, давали тенденціозное освѣщеніе событій. Ничего нѣтъ хуже, какъ если истина искажается въ угоду власти имущихъ личностей, народовъ, исповѣданій отдѣльныхъ словій и партій. И соціалъ-демократія имѣла бы право негодовать на подобное освѣщеніе историческихъ событій, если бы въ ея собственной средѣ не дѣлалось этого даже въ большей, чѣмъ гдѣ-либо, степени. И въ самомъ дѣлѣ, въ соціалистическихъ сочиненіяхъ менѣе всего можно находить объективное изображеніе фактовъ. Здѣсь, почти не размышляя, придаютъ событіямъ такую окраску, какая нужна бываетъ для партійныхъ цѣлей, и нигдѣ исторія не погрѣшаетъ такъ много противъ истины, какъ у соціалъ-демократовъ. Первобытная исторія человѣчества ими представляется пріятною, къ сожалѣнію только очень скоро исчезающею, утреннею зарею; все же остальное культурное развитіе рисуется ими самыми мрачными красками, гдѣ нѣтъ уже ни одной звѣздочки, которая отраднo блеснула бы въ жалкой человѣческой жизни; вся

¹⁾ Изъ книги Флейшмана „Противъ соціалъ-демократіи“, переводъ съ нѣмецкаго М. В.

же прелесть и великолѣпіе красокъ употребляется на вырисовку картины соціалистическаго будущаго, которое, какъ золотистая вечерняя заря, закончить день невзгодъ... По Карлу Марксу, вся исторія человѣчества есть не что иное, какъ картина грабежа и убійства. Англійскіе фабриканты, по нему, одно изъ самыхъ незаконныхъ и безбожныхъ обществъ, которое когда-либо существовало на землѣ; это ненавистнѣйшія шайки разбойниковъ и грабителей, грубые, невѣжественные, распутные гуляки, въ сравненіи съ которыми самый жестокой живодеръ является идеальнымъ образцомъ добродѣтели, такъ что можно только удивляться тому, что еще находятся собаки, которыя могутъ принимать кусокъ хлѣба отъ такихъ господъ. По Энгельсу, жадность была единственною побудительною причиною въ исторіи цивилизаціи. Понятливый ученикъ этихъ соціалистовъ — Бебель старается развить эту мысль, насколько хватаетъ его слабыхъ силъ. Онъ рисуетъ крайне мрачную картину низости и нравственнаго растлѣнія буржуазіи, при чемъ оспариваетъ только одно обстоятельство, что именно не злоба на это сословіе, но чистая зависть на благосостояніе богатыхъ руководила пролетаріями. По представленію Бебеля, въ настоящее время счастливая малая часть человѣчества живетъ въ роскоши и пиршествахъ, а несчастное большинство — въ крайней нуждѣ и невыразимой бѣдности. И, разумѣется, эта свѣтлая и мрачная картина имѣетъ свою опредѣленную цѣль, а именно: она имѣетъ въ виду показать, что, при современномъ взаимоотношеніи и состояніи господствующихъ классовъ, весь существующій общественный строй является настолько одряхлѣвшимъ и совершенно изжившимъ, что здѣсь уже нельзя ничего ни починить, ни исправить путемъ реформъ, но что необходима полная катастрофа, полное разрушеніе всего, и притомъ, чѣмъ скорѣе произойдетъ это, тѣмъ лучше, потому что все это отвратительное хозяйство ничего болѣе не заслуживаетъ, какъ скорѣйшаго и коренного уничтоженія, хотя бы съ пролітіемъ крови. Но этотъ конецъ будетъ прекраснымъ началомъ. Надъ водами всемірнаго потопа заблеститъ радуга, которая возвѣститъ счастье соціаль-демократическаго мира для всего человѣчества.

И всякій, кто въ прошедшемъ или въ настоящемъ помагаеть социалистамъ въ тенденціозной разработкѣ исторіи, кто доставляетъ имъ годный для этого матеріаль, тотъ, безъ всякихъ разсужденій, ихъ человекъ; въ выборѣ источниковъ исторіи у этихъ, ни съ чѣмъ не считающихся, взятыхъ на прокатъ, недобросовѣстныхъ писателей, невыразимое отсутствіе критики. Во всѣ времена были странныя головы, которыя, какъ говорится, не видѣли лѣса изъ-за деревьевъ, которыя весь процессъ развитія міра выдаютъ за одну ошибку и заблужденіе, такъ какъ онъ не подходитъ подъ мѣрку ихъ ограниченнаго разума, не согласуется съ утопическими идеями ихъ ненормальнаго мозга. Всегда были люди, которые подобно щетинистымъ домашнимъ животнымъ, свое единственное удовольствіе находили въ томъ, чтобы валяться въ лужѣ всемірной исторіи и затѣмъ сказать, что прежде вся земля была вонючимъ болотомъ. Были во всѣ времена писатели, которые главное вниманіе свое обращали не на прекрасныя картины, а на обрывки подъ ткацкимъ станкомъ времени, и которые, пересмотрѣвъ эти обрывки, выводили заключеніе, что результатъ цивилизаціи есть одна только куча сора. Всѣ литературные „блудники“ такого рода и даютъ источники для составленія социалистической исторіи; они пользуются совершенно особеннымъ, безусловнымъ довѣріемъ, потому что они не допускаютъ никакой религіи, никакого господства, никакого господствующаго сословія, потому что во всемъ этомъ нельзя найти, по ихъ мнѣнію, ни на волосъ добра. При этомъ имъ все равно: двигала ли ихъ перомъ спокойная, все взвѣшивающая объективная правда, или слѣпая ненависть, слѣпая страстность. Карлъ Марксъ не находитъ ничего невѣроятнаго даже въ томъ ненормальномъ сужденіи, что первые христіане при евхаристіи ѣли человѣческое тѣло и пили человѣческую кровь; равнымъ образомъ онъ находитъ не невозможнымъ и то, что—какъ рассказываетъ одинъ старый хвастунъ,—римскіе господа часто приказывали себѣ готовить обѣдъ изъ мяса рабовъ, хотя это такъ же вѣроятно, какъ и то, что названный Карлъ Марксъ много разъ выкапывалъ изъ могилы трупъ особенно ненавистнаго фабриканта и съѣдалъ его, особенно въ то время, когда здѣсь и тамъ слышно

объ аппетитѣ іудеевъ на мясо христіанъ. Одинъ италіанскій врачъ Мантегацца сдѣлалъ новое открытіе, что Христосъ принадлежалъ къ сектѣ скопцовъ, и Бебель къ такому безумію относится съ полнымъ дѣтскимъ, лишеннымъ всякой критики, довѣріемъ. И, наконецъ, погребенное наукою *Ius primaе noctis* снова воскрешается и выставляется въ электрическомъ освѣщеніи. Ни одно позорное дѣло князя, духовнаго лица, дворянина, буржуа не представляется неосновательнымъ, и мы видимъ всѣхъ похожими на одного, что, разумѣется, только лицемѣріе могло искусно затушевывать, маскировать и подтасовывать.

Если же указанные „источники“ являются для данной цѣли недостаточными или совсѣмъ изсякшими, то прибѣгають къ романамъ. Писатель романовъ Вахенхузенъ явился однимъ изъ присяжныхъ помощниковъ Бебеля, чтобы показать весь настоящій порядокъ общественной и гражданской жизни „неестественнымъ и ненормальнымъ“. Если же и это не помогаетъ, хотя наши фабриканты-романисты, въ родѣ Золя, въ этомъ отношеніи оказываются очень плодовитыми, то Бебель не останавливается и предъ клеветою по правилу: извлекай помощь изъ всего, что можетъ помочь. Въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе можно назвать то, что онъ пишетъ, на примѣръ, о домахъ терпимости: „если бы многіе, говоритъ онъ, изъ этихъ публичныхъ домовъ могли разоблачить свои тайны, то открылось бы, что ихъ обитательницы, — хотя большею частію онѣ и не изъ знатнаго рода, безъ высшаго образованія и воспитанія и хотя онѣ часто едва умѣють подписывать свои имена и только надѣлены тѣлесною красотою — стоятъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ вершинами общества, съ мужами высшаго образованія и интеллигенціи. Здѣсь можно бы увидѣть министровъ, генераловъ, тайныхъ совѣтниковъ, народныхъ представителей, судей и т. д. рядомъ съ представителями финансовой, торговой и промышленной аристократіи; можно было бы увидѣть даже и такихъ людей, которые днемъ такъ серьезно и величаво выступаютъ въ обществѣ, какъ защитники и охранители нравственности, порядка, брака и семейства и стоятъ во главѣ благотворительныхъ христіанскихъ учрежденій и даже состоятъ членами общества, поставившаго своею цѣлію

„подавленіе проституціи“. Далѣе у него мы читаемъ: „даже богословіе, которому въ минувшее десятилѣтіе недостатокъ въ кандидатахъ угрожалъ опасностью засохнуть, приходитъ къ нимъ съ благословеніемъ“. „Я учу вѣрѣ, раздастся изъ всѣхъ угловъ, въ десять тысячъ боговъ и сатану, какъ это отъ меня требуется, а мнѣ представьте хоть только одно мѣсто, на которомъ я могъ бы учить“. И если позволительно, то я бы при этомъ написалъ: „если бы могли заглянуть въ сердце Бебеля, то мы прочитали бы тамъ, какъ часто онъ лгалъ предъ товарищами и обманывалъ ихъ“, — что могъ бы сказать на это сей „честный и правдивый“ человѣкъ? Не счелъ ли бы онъ себя въ правѣ принести жалобу въ судъ на такой позорный, безчестный способъ борьбы? Не былъ ли бы онъ правъ, если бы онъ потребовалъ на судѣ доказательства? Какія же онъ самъ можетъ представить доказательства невинности вышеприведенныхъ его утвержденій? Если стѣны „домовъ терпимости“ не разбалтываютъ своихъ тайнъ, то откуда же и какимъ образомъ онъ-то знаетъ ихъ? Какъ называются тѣ богословы, которые издавали выше процитованный вопль? Назовите имена. Г. Бебель, представьте доказательства, иначе вы останетесь клеветникомъ, ведущимъ борьбу позорнымъ, безчестнымъ способомъ! Не сами ли вы поставили нормой истинно-нравственного образа дѣйствій: „чего не желаешь, чтобы дѣлали тебѣ, не дѣлай этого и другимъ“. Пусть въ вашихъ гласахъ буржуа, министръ, христіанинъ и богословъ будутъ очень жалкими созданіями, однако каждый и изъ нихъ, надѣюсь, принадлежитъ къ числу этихъ „другихъ“.

Такимъ образомъ, какъ бы человѣкъ ни устремлялъ своего взора вглубь исторіи, нигдѣ не видитъ онъ ни одного оазиса, ни одного золотого періода времени, нигдѣ не найдетъ ни одного мѣстечка, на которомъ могъ бы съ утѣшеніемъ остановиться и отдохнуть социаль-демократическій глазъ. Все безотрадно, о чемъ бы ни вспомнило человѣчество, на что бы оно вокругъ себя ни посмотрѣло, все — сплошная ткань неправды, насилія, притѣсненія и бѣдствія, и все это съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ въ мірѣ частная собственность, а это такъ давно, что никто уже точно не знаетъ и начала этого.

Такимъ образомъ, необходимо искать этотъ оазисъ, этотъ идеалъ человѣческихъ состояній въ первобытной исторіи, въ томъ времени, изъ котораго достигли до нашего сознанія только обломки и обрывки... Поэтому социалисты вращаются въ области гипотезъ и догадокъ, въ туманѣ открываютъ они замѣчательнѣйшіе образы и формы, почему Энгельсъ, Бебель и ихъ единомышленники и тяготеютъ своими симпатіями больше всего къ тѣмъ временамъ, о которыхъ они знаютъ очень мало, или же къ тѣмъ, о которыхъ они совсѣмъ ничего не знаютъ. Но они воображаютъ, что они больше всего знаютъ именно объ этихъ временахъ; характеризуя эти времена съ пристрастіемъ, они часто извращаютъ факты, отъ чего страдаетъ истина. Въ то время, какъ истинный знатокъ дѣла смѣется надъ изобрѣтеніемъ ихъ фантазіи, ихъ довѣрчивый послѣдователь, присягнувшій на вѣрность ихъ слову, принимаетъ все за чистую монету. Но что же даютъ эти туманныя картины, эти шаткіе, колеблющіеся образы и перспективы изъ сѣдой старины? Въ незапамятныя, первобытныя времена, когда люди жили вмѣстѣ, дикими ордами, когда они все имѣли общее, не исключая и женъ, когда нельзя было узнать дѣйствительнаго отца новорожденнаго ребенка, существовало право матери, такъ какъ власть была въ рукахъ женщинъ, тогда было золотое время, тогда былъ рай на землѣ.. И это время такъ приковываетъ къ себѣ сердце господъ Энгельса и Бебеля, что они не хотятъ дать себѣ покоя, пока не будетъ разрушенъ теперешній общественный порядокъ, и снова не возстановится то счастливое первобытное состояніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бесѣда на Еванг. отъ Луки, XI гл. 1—4 ст.

Случилось, что когда Онъ въ одномъ мѣстѣ молился и пересталъ, одинъ изъ учениковъ Его сказалъ Ему: Господи, научи насъ молиться, какъ и Іоаннъ научилъ учениковъ своихъ (1 ст.).

Христосъ молился въ случайномъ неопредѣленномъ мѣстѣ, ибо Онъ не имѣлъ, гдѣ преклонить голову (Лк. IX, 58). Онъ былъ одинокъ среди людей и въ молитвѣ почерпалъ силы нести

Свое земное одиночество. Его голосъ, кроткій голосъ Божественной правды звучалъ одиноко среди дерзновенныхъ криковъ человѣческой неправды.

Книжники и фарисеи, лицемѣры, привыкли казаться не тѣмъ, чѣмъ были въ дѣйствительности: они сами не слѣдовали тому, къ исполненію чего призывали другихъ. Правду Божию они подмѣнили своей фарисейской правдой. Они учили, чтобы владѣть народомъ и чтобы стяжать мірскую славу. Въ Иисусѣ Христѣ они видѣли опаснаго соперника: фарисейское честолюбіе просмотрѣло въ Немъ Бога. И потому, слѣдуя за Нимъ, они лишь искушали Его (Лк. X, 25). Среди учителей народа Христосъ былъ одинокъ, какъ искушаемый среди искусителей.

Первые послѣдователи Христа шли за Нимъ робкою неуверенною стопою. Они привыкли итти торною дорогой. Они привыкли къ земной будничной суетливой жизни, и эта жизнь манила ихъ своими радостями. Они робко возлагали руку на плугъ и смущенно озирались назадъ (Лк. IX, 62), туда, гдѣ злобный міръ суетливо создавалъ свое скоропреходящее земное счастье. Живо вспоминались имъ родные и знакомые, и разлука съ прошлымъ сжимала болью ихъ сердце. Они просили Христа позволить имъ проститься съ домашними (Лк. IX, 61). Они хотѣли дать послѣднее лобзаніе тому, что было еще столь дорогимъ ихъ сердцу. Въ ихъ сердцахъ еще бушевало житейское море. Въ царствѣ Божіемъ они были неблагонадежны (Лк. IX, 62). И потому, хотя они слѣдовали за Христомъ, но Христосъ былъ съ ними одинокъ.

Христосъ былъ одинокъ даже въ любящемъ Его семействѣ Лазаря. И здѣсь житейская суета рукою Марѣи пытается отвлечь Марію отъ того, что „едино есть на потребу“. И здѣсь эта суета устами Марѣи бросаетъ упрекъ внимательному слуханію Слова Божьяго. Даже Христу здѣсь бросается упрекъ въ томъ, что Онъ не замѣчаетъ суеты Марѣи и не подвигаетъ Марію къ участію въ этой суетѣ. Мірская жизнь въ лицѣ Марѣи предпочитала встрѣчать Христа большимъ угощеніемъ, чѣмъ принимать отъ Него небесныя блага, учиться у Него новой духовной жизни (Лк. X, 38—42).

Одинокій среди людей Христосъ молился. Теперь онъ не былъ одинокимъ: съ Нимъ былъ Его Божественный Отецъ. О чемъ молился Христосъ? О томъ ли, чтобы угасилъ Господь мірскую злобу и зависть? Или о томъ, чтобы прозрѣли духовно-слѣпые

люди и были способны вступить въ Новый Заветъ съ Богомъ своимъ? Во всякомъ случаѣ Его молитва была необычная. Законъ и пророки достаточно научили учениковъ Христа исповѣдывать, призывать и славословить имя Божіе. Св. пророкъ Давидъ обильно научилъ ихъ молитвамъ покаянія и прощенія. Извѣстны имъ были и молитвы фарисеевъ и новыя молитвы учениковъ Иоанна Крестителя. Однако, они просили Иисуса Христа научить ихъ молиться. Нѣтъ сомнѣнія, что ученики Христа поняли сердцемъ, что молитва его—необычная. Молитва Христа была дерзновенной молитвой Сына. Его взоръ, устремленный къ небу, отражалъ неземное сіяніе. Его лице свѣтилось незаходимымъ свѣтомъ горняго міра и манило туда, горѣ, сердца учениковъ. Ученики Христа поняли, что Онъ молится новою молитвою, и что Богъ въ лицѣ Христа вступаетъ въ новыя отношенія къ людямъ и зоветъ и сообщаетъ имъ новыя неземныя радости. Они не обнимали еще умомъ той жизни, которую принесъ людямъ Христосъ. Но они видѣли на молящемся Христѣ свѣтлыя слѣды этой жизни и предчувствовали сердцемъ ея духовное блаженство. Они просили Христа вложить въ ихъ уста новыя святыя слова, которыя служили бы имъ путеводною звѣздою въ міръ горній, куда неволью тяготѣли ихъ сердца. Они просили Его: Господи, научи насъ молиться!...

Братья возлюбленные! Не послѣдовать ли и намъ за апостолами въ годину тяжелыхъ испытаній жизни? Не остановитъ ли и намъ на молящемся Христѣ полный надежды взоръ? И не воспроситъ ли Его отъ сердца, извѣрившагося въ человѣческихъ начинаніяхъ: Господи, научи насъ молиться!

Братья-христіане! Среди современныхъ людей, живущимъ по преданіямъ человѣческимъ, по стихіямъ міра, а не по Христу,—мы одиноки. Возтали лжеучители и лжепророки. Они льстятъ грѣховнымъ пожеланіямъ человѣка и увлекаютъ за собой толпы порочныхъ людей. Повсюду рыскаютъ волки въ овечьей шкурѣ—новые фарисеи и книжники и соблазняютъ неокрѣпшихъ въ вѣрѣ христіанъ. На словахъ они обѣщаютъ своимъ послѣдователямъ мирную жизнь. На дѣлѣ они повсюду сѣютъ раздоръ, раздѣляютъ братскую семью христіанъ на враждебные лагеря, призываютъ къ мятежамъ и возстаніямъ, объявляютъ войну всѣмъ, кто съ ними несогласенъ. На словахъ они обѣщаютъ охранять жизнь и имущество cadaго. На дѣлѣ они допускаютъ грубое насиліе надъ жизнью и имуществомъ ближняго, прибѣгаютъ къ грубому

самосуду надъ самоотверженными служителями обществу, проливаютъ невинную кровь женъ и дѣтей. Эти новые фарисеи подмѣнили правду христіанской жизни—правду всепрощающей любви, новой правдой—правдой мщенія. Они забыли слова Бога: Мнѣ отмщеніе, и Я воздамъ (Втор. 32, 35). Они влагаютъ въ уста своихъ послѣдователей новыя молитвы, и молитвы эти дышатъ злобой и завистью, жаждутъ власти и денегъ и молятъ о счастьѣ, купленномъ цѣной братской крови.

Братья возлюбленные! Не будемъ молиться этими молитвами: онѣ ожесточатъ наши сердца и не принесутъ желаннаго мира и заклеятъ свѣтлое чело христіанина печатью отверженія, печатью братоубійцы Каина. Не пойдемъ за лжеучителями вѣка сего! Предпочтемъ ихъ дружбѣ одиночество христіанина! У насъ одинъ Учитель—Христосъ. Къ Нему пойдемъ, братья-христіане! Къ подножію креста Его припадемъ! И будемъ слезно просить: Господи, научи насъ молиться!

Братья-христіане! Въ этомъ мірѣ мы вообще одиноки. Сей мірѣ во злѣ лежитъ, и мы ожидаемъ новаго міра, гдѣ правда живетъ. Мірѣ вѣроломно оставилъ Христа и идолопоклонствуется предъ новыми кумирами. Онѣ отвергъ божественные законы жизни и проповѣдуетъ, что людская власть и деньги устанавливаютъ святаго добродѣтели: тотъ святъ, кто силенъ, и тотъ добродѣтельный, кто въ борьбѣ обрѣтаетъ свое право. Они поклоняются золотому тельцу. Мы же—христіане поклоняемся единому Богу, какъ Онѣ явилъ Себя намъ во Христѣ, и слѣдуемъ божественному закону жизни—закону христіанской любви. Мірѣ легковѣрно плѣняется баснями о земномъ счастьѣ. Христіанское же счастье—любить Бога и Его небесную правду. Мірѣ легкомысленно предается чувственнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ. Радость христіанина—быть въ единеніи со Христомъ, и свидѣться съ Нимъ по смерти—его вождельная мечта. Мірѣ обожествилъ кровожадную природу челоуѣка (Ницше), славословитъ плотскую похоть и развратъ кощунственно называетъ религіознымъ служеніемъ (извѣстный Розановъ) и, слѣдуя естественному разуму, отвергъ Богочелоуѣка Христа (толстовщина)...

Возлюбленные братья! Нѣтъ намъ части въ этомъ мірѣ. Оставимъ его! Пусть онѣ проситъ хлѣба и зрѣлищъ. Пусть онѣ безумно приглашаетъ: „будемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ“. Пусть роетъ себѣ могилу безъ надежды блаженнаго воскресенія.

Пусть горделиво называетъ себя Богомъ, забывая, что онъ—Его твореніе. Оставимъ міръ и его молитвы; онъ омрачать наше чело неизгладимою печатью вѣчной суеты... Пойдемъ ко Христу! Онъ—истинный путь жизни. Къ Нему пойдемъ, братья-христіане, и, лобызая Его крестныя язвы, будемъ слезно вопіять: Господи, научи насъ молиться!

Христіанинъ, если ты достойно носишь свое званіе! Ты одиночекъ даже въ излюбленномъ тобою семейномъ уголкѣ, куда ты забиваешься послѣ дневныхъ трудовъ и гдѣ думаешь спокойно преклонить свою голову. Ты любишь Христа. Ты хочешь угождать Ему. Ты думаешь воспитать своихъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ и въ любви ко Христу. Въ тебѣ живетъ Марія, внимательная къ Божію слову. Но незамѣтно для тебя самого въ твоёмъ домѣ воцаряется суетливая Марѳа. Она любитъ Христа, но житейскою любовью: дни великихъ воспоминаній о Немъ она старается отличить явствами и питіями и въ заботѣ объ этомъ забываетъ учиться у Христа жизни. Она любитъ Христа, но среди житейской суеты забываетъ приводить къ Нему твоихъ дѣтей. И вотъ, твои дѣти незамѣтно привыкаютъ къ грѣхолюбивому міру и радостямъ его, незамѣтно приобщаются къ земной суетѣ. Сначала по-дѣтски, наивно. Затѣмъ остается привычка къ легкимъ развлеченіямъ: дѣтскія игры и забавы мѣняютъ только форму. Твои дѣти вырастаютъ легкомысленными. Они склонны убивать и безъ того скоропреходящее время: они топятъ его въ винѣ и развратѣ и дѣлаютъ его незамѣтнымъ въ азартныхъ играхъ. Они не понимаютъ, что жизнь—не смѣхъ и забава, а крестный подвигъ, страдный путь, трудное странствованіе въ вѣчную небесную Палестину. Суровые уроки жизни наказываютъ юное легкомысліе: они краснорѣчиво доказываютъ, что земное счастье недостижимо, что земныя блага неспособны удовлетворить человѣка, что земныя радости неминуемо соединяются съ земнымъ горемъ, и это послѣднее такъ велико, что не искупаетъ первыхъ, что земное счастье строится на земномъ несчастіи ближняго: пьянствуютъ на счетъ недопиванія, пресыщаются на счетъ недоѣданія, роскошествуютъ на счетъ нищеты и убожества; что стремиться къ земному счастью и другихъ воодушевлять къ этому значить—умножать человѣческое горе и страданіе. Но эти суровые уроки жизни способны отрезвить только непогрязшихъ въ порокахъ; другихъ же они ожесточаютъ, приводятъ въ уныніе, въ отчаяніе. И вотъ, восплачь добрый отецъ-христіанинъ!

Твои дѣти не-Христовы: они не слѣдуютъ Ему. И потому они не въ силахъ бороться съ невзгодами жизни и не могутъ разрѣшить великій смыслъ своего существованія: они кончаютъ самоубійствомъ. Другіе же такъ любятъ себя, такъ любятъ свое земное счастье, что покупаютъ его цѣною братской крови. Возгреми, небо, и обличи, безуміе юности! Ужаснись, родъ человѣка: ты началъ рождать исчадія ада.

Ты глубоко страдаешь, отецъ - христіанинъ! Ты одинокъ въ своей семьѣ. Ты самъ не узнаешь своихъ дѣтей, и они не понимаютъ тебя. Недоумѣваетъ и суетливая Марѳа. Среди постоянныхъ заботъ о невинномъ счастьѣ твоихъ дѣтей она не замѣтила, какъ діаволь посѣялъ въ ихъ сердцахъ плевелы. Она забывала непрерывно внушать дѣтямъ, что человѣку единственно нужно любить Бога и что Божіе, и потому плевелы невозбранно зрѣли, росли сорныя травы, выросло цѣлое древо зла, которое и принесло плоды, отравленные ядомъ злобы и ненависти. Марѳа, Марѳа, ты заботишься о многомъ и оставляешь въ нерадѣніи одно—Божію правду о жизни человѣка, и это губить твоихъ дѣтей!

Христіанинъ-отецъ! Болитъ твое сердце. Грустно поникла твоя глава. Слеза туманитъ твой взоръ. И когда ты и спутница твоя, огорченные и недоумѣвающіе смотрите вопрошающе на свѣтыя иконы, какъ хочется склониться съ вами у подножія креста Христова и отъ всего сердца, наболѣвшаго отъ скорби, извѣрившагося въ своихъ начинаніяхъ, неопытнаго въ воспитаніи дѣтей и безсильнаго угасить людскую злобу, — немолчно просить: Господи, научи насъ молиться!

Научи насъ, Господи! Мы сами не знаемъ, о чемъ намъ молиться (Рим. VIII, 26), Ты же прежде прошенія нашего знаешь, что намъ нужно (Мѳ. VI, 7). Научи насъ молиться всегда, непрестанно, во всякое время, молиться не плотью необузданною, а духомъ, парящимъ горѣ, къ небу, къ высшимъ интересамъ жизни (Кол. I, 3; 1 Фесс. V, 17; Еф. VI, 18). Научи насъ умной молитвѣ, чтобы направила она нашъ разумъ на путь правый (Рим. XIV, 14—15). Научи насъ молиться въ тайнѣ сердца, чтобы мы въ молитвѣ находили себя самихъ, уловляли тайные вздохи богоподобной души и понимали сокровенныя желанія своего сердца (Мѳ. VI, 6; XIV, 23). Научи насъ молиться достойно христіанскаго званія (2 Фесс. I, 11). Научи насъ безъ гнѣва и сомнѣній простирать къ небу чистыя руки (1 Тим. II, 8). Научи насъ

молиться за обижающих и гонящих насъ (Мѡ. V, 44). Научи насъ молиться бодро, не впадая въ искушенія (Мѡ. XXVI, 41). Научи насъ воспѣвать Тебя и преклонять колѣни только предъ Однимъ Тобой (Дѣян. XVI, 25, XX, 36; XXI). Научи насъ молитвѣ, озаряемой Духомъ Святымъ (Іуд. 20). Научи насъ въ страданіяхъ молиться и въ весельѣ воспѣвать Тебя (Іак. V, 13). Научи насъ познавать волю Твою о насъ (Кол. I, 9). Научи насъ молиться, да возрастаетъ любовь въ мысляхъ и чувствахъ каждаго человѣка, чтобы прекратилась вражда людей, и они снова заключили другъ друга въ братскія объятія (Филип. I, 9). Господи, научи насъ молиться!..

И скажетъ намъ Христось, какъ сказалъ Своимъ ученикамъ: «молитесь такъ: Оче нашъ, иже еси на небесѣхъ! Да святится имя Твое. Да придетъ царствіе Твое. Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь. И остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. Яко Твое есть царствіе и сила и слава во вѣки. Аминь. (Ік. XI, 2—4; Мѡ. VI, 9—13).

Илья Гумилевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По крестьянскимъ хатамъ.

(Продолженіе изъ воспоминаній сельскаго священника).

Первый снѣжокъ посеребрилъ желтыя окрестности. Сильный сѣверный вѣтеръ разорвалъ нависшія тучи и быстро гналъ по небу ихъ мрачныя клочья, въ просвѣтѣ мелькали звѣздочки и, точно ныряя за нихъ, плыла полная луна. Морозило. Уныло кругомъ, и церковь какъ-то печально выдѣляется на грустномъ фонѣ осенней ночи. И на душѣ что-то невесело. Жизнь природы замерла, не на чѣмъ съ отрадою остановиться взору; высокія деревья парка печально покачиваютъ свои оголѣвшія вершины. Вреду по улицѣ. Длинный барскій домъ освѣщенъ ярко. Пріѣхала комиссія охотниковъ,—и теперь послѣ охоты у нихъ идетъ пиръ горой. Зайти? Знаю, привѣтъ встрѣчу полный и до глубокой полуночи можно слушать смѣхъ, оживленные разговоры, анекдоты, а будетъ желаніе—и по зеленому полю проходишь—сколько угодно: въ стуколку, въ винтъ. Нѣтъ, не влечетъ сердце. Настроеніе въ этихъ хоромахъ чуждо тихой грусти долгой ночи,

что захватила меня своими волнами; перевожу взоръ къ соломеннымъ хатамъ, что бросали отъ себя тѣнь до самой дороги. На улицѣ ни души. Собаки—и тѣ куда-то попрятались. Въ окнахъ мелькають огоньки. Гдѣ ужинають, гдѣ чай пьютъ. Въ хатахъ трехъ замѣтилъ, какъ мои школьники усердно наклонились надъ книжками. Отраднo. Такъ хочется, чтобы искры свѣта изъ скромной школки разносились по этимъ темнымъ хатамъ!

Направляюсь къ избѣ, хозяйка которой такъ отрицательно отнеслась къ моимъ хожденіямъ по селу. Подхожу. Дворъ полу-раскрытъ на кормъ тощей коровы еще весною. Кругомъ ни малѣйшаго слѣда крестьянскаго хозяйства. Точно пустыня эта луговинка посеребренная и снѣжкомъ и блѣднымъ, луннымъ свѣтомъ. Дверь не заперта. Отворяю и появляюсь неожиданно. Общее удивленіе. Даже тощій котъ на лавкѣ внимательно наострилъ уши. Хозяинъ угрюмо сидѣвшій, къ счастью трезвый, лѣниво поднялся. „Вотъ ты думала, проговорилъ я, поздоровавшись, хозяйкѣ, что къ тебѣ не приду, а я взялъ и пришелъ“. Та сконфузилась, согнала ребятшекъ въ кучу и начала старательно стирать съ лавки, чтобы мнѣ приготовить мѣсто. Не гоня дѣтей, замѣтилъ я ей, они и такъ насъ боятся въ церкви, плачъ поднимають предъ причастіемъ, пусть со мной посидятъ. Дѣтишки, числомъ шесть, грязныя, почти нагія, обступили меня, седьмой казенный, т.-е. взятый изъ воспитательнаго дома за три рубля въ мѣсяцъ, и здѣсь пицалъ въ грязнѣйшей люлькѣ. Чѣмъ бѣднѣе семья, тѣмъ усерднѣе женщины тянулись за „казенными“.

Плохо, бѣдно живете заговорилъ я, усѣвшись за столъ. Потазайте, батюшка, пьяногу моего, все отъ него. Послѣдній грошъ тащить въ трактиръ, благо близко. Совсѣмъ разорилъ жизни не рада, какъ мучаюсь, просвѣта себѣ не вижу. И суровая на видъ баба залилась слезами. „Ну, ну, поѣхала, безъ тебя батюшка не знаетъ, отчего мы бѣдны“, угрюмо проговорилъ мужикъ, опустивъ голову. Въ трезвомъ видѣ онъ былъ скромень, а сейчасъ, видно, стыдно стало ему, совѣсть заговорила. Я не находилъ продолжатъ разговоръ и, чтобы прервать тяжелую минуту, вытащилъ изъ подъ полы двѣ связки баранокъ, сталъ одѣлать дѣтей. Тѣ, забывши всякую робость, съ жадностью набросились на рѣдко ими виданный гостинецъ.

Мать утерла слезы и, скрестивши руки, молча наблюдала; мнѣ показалось, что лицо ея просвѣтлѣло, обычная суровость

исчезла... Какъ мало нужно сдѣлать, чтобы лучъ свѣта влить въ душу бѣднаго человѣка... И это то „малое“, увы, рѣдко мы дѣлаемъ. Я оставилъ въ покоѣ родителей, занялся съ дѣтьми, послѣ баранокъ они освоились со мною; незамѣтно прошло полчаса, я всталъ прощаться и пообщалъ дѣтямъ въ слѣдующій разъ принести еще баранокъ и картинокъ, за что они готовы были разутыми выбѣжать за мною на улицу. Мать ихъ отстранила и въ своихъ движеніяхъ показала всю свою привѣтливость ко мнѣ, къ какой только способна была ея грубоватая, надорванная нуждою и горемъ, натура. Да, думалось мнѣ, многими путями, иногда самыми простыми, можетъ подойти священникъ къ сердцу русскаго человѣка.

„Что же старшаго мальчика не привели въ школу? Давно пора, лѣтъ 11 вѣдь ему...“ „Скоро 12 будетъ, отвѣтила мать, да гдѣ же отдать: ни одѣться, ни обуться не во что...“ Я не возражалъ. Въ головѣ зароились мысли, какъ бы поскорѣе устроить попечительство на помощь подобной бѣднотѣ. Между тѣмъ хозяинъ, накинувъ рваный тулупъ, вызвался проводить меня. Я въ душѣ обрадовался: пожурю его дорогою получше. Подъ скрипъ нашихъ шаговъ я дѣйствительно пожурилъ его: „вѣдь кошка, собака и тѣ, говорилъ я, между прочимъ, жалѣютъ своихъ дѣтенышей, а ты что дѣлаешь со своими дѣтьми? Смотри, какъ ты мучаешь ихъ холодомъ и голодомъ, до какого убожества доведешь родной домъ, слышалъ я,—отъ отца ты его наслѣдовалъ не такимъ...“ Мужичекъ терпѣливо молчалъ и продолжалъ шагать рядомъ со мною...

„Ничего, батюшка, не подѣлаешь, грѣхъ одолѣлъ, самъ себѣ не радъ, въ винищѣ-то этомъ проклятомъ забудешься, а протрезвишься—не знаешь куда броситься, тоска гложетъ, къ стакану такъ и тянетъ... Помолитесь ради Христа за меня, можетъ быть Господь услышитъ вашу молитву, а я самъ съ собою не слажу“... При свѣтѣ мѣсяца мнѣ показалось, по впалымъ щекамъ мужика катились слезы... На прощанье я искренно благословилъ его и въ душѣ, какъ умѣлъ, помолился, да вразумить его Господь... Мужичекъ удалялся, вѣтеръ игралъ лохмотьями его жалкаго тулупа... Убогою казалась его фигура среди блѣдной, помертвѣлой улицы. И думалось мнѣ: сколько подобныхъ фигуръ качается и бродитъ по магушкѣ Руси, сколько гнѣздъ слезъ и горя свиваютъ онѣ, одержимыя злѣйшимъ недугомъ—пьянствомъ. И черней, и ранней порою льются слезы ихъ голодныхъ, холодныхъ,

часто избитыхъ женъ и дѣтей, и если бы возможно было слиться этимъ слезамъ въ одно мѣсто, то, кажется, цѣлое море бы образовалось отъ нихъ... Черное густое облако, тяжело скользя по небосклону, закрыло луну и набросило тѣнь на окрестности, и это мрачное облако мнѣ показалось выразителемъ того черного горя, что виситъ надъ странюю нашею отъ горькаго пьянства многихъ ея сыновъ!..

По мерзлой дорогѣ застучала телѣга,—санний путь еще не установился. Скоро поровнялся со мною староста, возвращающійся изъ города. Узнавъ меня, онъ остановился, и мы разговорились. „Приговоръ возилъ въ городъ, мѣръ просилъ, чтобы съ новаго года закрыть трактиръ въ селѣ, ни къ чему онъ намъ, проѣзжей дороги нѣтъ, а для своихъ одна разора, соблазнъ. Да не вышло по нашему; у васъ, отвѣтили, полагается быть трактиру: село большое“... Скорбно стало на душѣ: вотъ и отвѣтъ мнѣ на мои думы о російскомъ пьянствѣ... Тотъ народъ, что послѣ свободы 61 года, вмѣсто добрыхъ, устроенныхъ школь, получилъ кабаки, трактиры съ расписными вывѣсками, самъ по мѣстамъ додумывается до вреда этихъ разсадниковъ порока, проситъ удалить ихъ отъ него, и увы! встрѣчаетъ безсердечный отказъ. Говорятъ, будто бы сокращеніе мѣстъ питейной продажи повліяетъ на цифру Государственного дохода. Жалкій лепетъ, если не безумный бредъ! Кто больше принесетъ пользы государству: здоровая ли работающая, сытая крестьянская семья, или пріютъ нищеты, горя, голода и холода, подобный только что видѣнному мною? Я уныло побрелъ, подавляемый грустными мыслями. Много ли поможетъ моя одинокая проповѣдь, когда мужичка со всѣхъ сторонъ, какъ муху нити паутины, тянуть къ себѣ пьяные соблазны, когда всюду и вездѣ ему слобовольному, темному, не отвѣдавшему чистыхъ, возвышенныхъ удовольствій назойливо предлагается: распивочно и на выносъ.... Чтобы отряхнуть отъ тяжелыхъ мыслей, я сталъ напряженно думать, какъ бы въ самомъ дѣлѣ помочь деревенской бѣднотѣ; мысль тянулась къ устройству попечительства, но чувствовалось: удачи въ этомъ предпріятіи у меня не будетъ. Между тѣмъ барскій домъ глянулъ на меня многими огнями. Зайду, попрошу что-нибудь у нихъ на бѣдноту. Веселую компанію охотниковъ я засталъ за сытнымъ ужиномъ. Привѣтствія посыпались на меня со всѣхъ сторонъ. Давно бы такъ, батюшка, къ намъ пожаловали, а то жметесь тамъ въ своемъ углу, какъ дикарь какой, замѣтилъ хозяинъ“.

Чувствовалось странно, точно во снѣ. Слишкомъ ужъ была яркая контрастъ убогой лачужки, беспощадной бѣдности, съ роскошными барскими палатами—и ихъ сытными до пресыщенія ужинами. Вся компанія была ко мнѣ очень внимательна, засыпала разспросами. Подъ впечатлѣніями видѣннаго и перечувствованнаго я разговорился откровенно, повѣдалъ имъ про нужду деревенскую. Хозяинъ тоже расчувствовался и далъ мнѣ тотчасъ же красенькую на одежонку тѣмъ мальчикамъ, которымъ въ школу не въ чемъ ходить, а кто то изъ гостей сунулъ 5 рублей на баранки бѣднымъ дѣтямъ. Поощренный успѣхомъ, я скоро-смѣло заговорилъ объ устройствѣ приходскаго попечительства и, недолго думая, предложилъ сейчасъ же положить начало ему добровольной подпиской. Но поторопился я, вышла осячка. Мои собесѣдники очевидно, предполагали, что для прочной и серьезной постановки дѣла потребуется болѣе или менѣе крупная сумма, и вѣжливо уклонились отъ начинанія. Кто то изъ нихъ при этомъ замѣтилъ: „у насъ, батюшка, въ Москвѣ непочатый уголъ благотворительныхъ обществъ, только успѣвай разные листы подписывать, да кошелекъ для членскихъ взносовъ открывать“.

Разговоръ перемѣнился, слышались шутки, остроты, анекдоты, словомъ все то, что бываетъ спутникомъ сытой, полупьяной, охотницкой компаніи. Я поспѣшилъ откланяться; можетъ быть, это выходило рѣзко, нетактично, но сердце звало вонъ, на просторъ, подальше отъ этого тяжелаго веселья. Меня не удерживали: видно поняли разность нашихъ настроеній.

Вотъ и опять въ волнахъ морознаго воздуха. Небо прояснилось совершенно и мерцало безчисленными звѣздочками, луна спокойно плыла, уже не омрачаемая тучками: тѣ сбѣжали на край горизонта и чуть виднѣлись какою то темной грудой, и вѣтеръ затихъ, но морозъ усиливался. Пріятно было дышать свѣжимъ воздухомъ. Впечатлѣнія были слишкомъ разнорѣчивы, хотѣлось ихъ примирить, куда бы это заглянуть еще? Вспомнилъ: на задахъ села недавно выросла новенькая, чистая избушка. Въ ней поселились прибывшіе изъ Москвы бездѣтные супруги. Онъ былъ бѣлымъ дворникомъ, очевидно скопилъ немного денегъ и пріѣхалъ на покой въ родное село. Я постучался. Старички пили чай съ малиновымъ вареньемъ и бѣлымъ ситнымъ; радушіе мнѣ оказали полное. Пріятно было сидѣть въ чистой, теплой избѣ. Въ углу предъ многочисленными хорошо украшенными образами мерцали лампы. По стѣнамъ около иконъ развѣшены картины

со священными изображеніями. Лица хозяевъ такія добрыя, смиренныя. Учить здѣсь чему-нибудь уста мои не открывались, жизнь старичковъ, казалось, катилась такъ тихо, мирно, но мнѣ захотѣлось узнать: какъ они, проведя годы въ кипучей городской жизни, среди знойной суеты, сохранили завидное благодушіе и не нажили какихъ-либо пороковъ. Я, не обинуясь, спросилъ ихъ объ этомъ, не думая, конечно, что похвалю своею расположу ихъ возомнить о себѣ.

„Да какъ вамъ сказать, батюшка, подумавъ отвѣтилъ старичекъ. Особеннаго ничего мы не творили, жили, какъ прочіе люди, насчетъ винишка, я, правда, всегда воздерживался, а во всемъ прочемъ, какъ остальные люди. День деньской въ трудахъ, ну въ праздникъ—обязательно къ ранней сходишь, а удосужишься—иной разъ и къ поздней въ монастырь какой или соборъ заглянешь. Листочекъ за копеечку купишь, придя домой, старухѣ прочитаешь его. Что же больше? Съ людьми, правда, старался всегда по совѣсти обходиться“. Чувствовалось, что старикъ говорить искренно. Часа два просидѣлъ я у нихъ, привѣтомъ дышало ихъ отношеніе ко мнѣ. Уходя, я уносилъ въ душѣ доброе чувство и сознаніе: подобныя хатки—родные уголки сельскому батюшкѣ, жаждущему отклика, сочувствія порывамъ своего еще не окаменѣвшаго въ суетѣ житейской сердца.

Немало и потомъ доставили мнѣ добрыхъ минутъ эти скромные старички. Особенно памятны зимнія утрени воскресныя. Часовъ въ 6 зазвонятъ, идешь—пустынно, холодно кругомъ. Темно на паперти.. Тихо. Глядь,—слышишь, кто то возится, отворишь дверь и при свѣтѣ изъ храма замѣтишь: старички отряхаютъ снѣгъ и слышишь шепотъ ихъ молитвъ, слѣзетъ съ колокольни, отрезвонивши, псаломщикъ, и начнешь грустно, но и тепло въ то же время, въ пустой церкви въ присутствіи моихъ старичковъ „Слава Святѣй, Единосущнѣй, Нераздѣльнѣй Троицѣ“. И „благослови, душе моя, Господа“ запоетъ одиноко Алексѣевичъ, и слышишь шерохъ поклоновъ тѣхъ же старичковъ. Иной разъ утренняя къ концу близится, а богомольцевъ все столько же—двое. Въ концѣ передъ обѣдной прибѣгутъ мальчики. Востокъ запыхаетъ зарею. Искренно, громко вслухъ всѣхъ хочется воскликнуть: Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!.. И смыслъ службы, и полосы денницы, врывающейся своими лучами въ алтарное окно, зовутъ къ возгласу, и возглашаешь, а внемлютъ ему опять тѣ же старички. А село еще притаилось, и бѣлоснѣжная равнина точно

накинула на все свое мертвое покрывало. Служишь, и чувствуешь въ пустотѣ храма не одинъ, не перевелись еще на Руси скромные, горячо вѣрующіе люди, которымъ дорога служба Божія! Возвращался я домой отъ старичковъ совершенно уравновѣшенный, покойный. Есть же въ народной жизни добрые уголки, гдѣ люди среди тяжелыхъ условий жизни сохранились чистыми, цѣльными, стало быть есть смыслъ трудиться, не жалѣя силъ, чтобы настойчивыми, искренними трудами умножать такіе уголки. Хорошо стало на душѣ. А небо опрокинулась своею безграничною глубиной, свѣтилось чудными, далекими огнями и умъ, и сердце звало, манило и влекло къ своимъ вѣчнымъ тайнамъ..

О. А.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Православные русскіе монастыри въ новѣйшей русской литературѣ.

II.

Подъ такимъ заглавіемъ въ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ была недавно помѣщена статья, изображающая отношеніе къ православному русскому монашеству новѣйшей русской литературы и причины такого отношенія. Съ того времени, когда написана была эта статья, въ литературѣ успѣло уже появиться еще нѣсколько рассказовъ, изображающихъ наши монастыри, при чемъ направленіе и тенденція этихъ рассказовъ—почти тѣ же, что и указанные ранѣе. Вотъ какъ торопится крайняя освободительная печать покончить съ вѣрой. Таковы рассказы: „У старовѣровъ“ уже извѣстнаго намъ С. Подъячева („Русское Богатство“ іюль 1907 г.), „Острова Бѣлаго моря“ Дм. Крачковскаго („Русскія Вѣдомости“ № 185-й 1907 г.), „Около угодника“ Е. Милицыной („Русская Мысль“ іюнь 1907 г.), „Съ матерью“ А. Федорова („Современный Міръ“ іюнь 1907 г.), „Братъ Тихонъ“ Проконія Шукина („Нива“ №№ 26—30-й 1907 г.).

Въ очеркахъ Подъячева, монастырь упоминается только вскользь, въ самомъ началѣ очерковъ. Изображаются, собственно, лишь три послушника, монахъ и игумень, но изображаются вполне въ стилѣ, свойственномъ нашему автору. Изображены, какъ и раньше, пьяницы, картежники, озорники, сквернословы и дебоширы,—изображены со всеѣмъ циническимъ реализмомъ, свойственнымъ автору, съ тѣми же прибаутками, издѣватель-

ствомъ и ругательствами, съ тѣмъ же самымъ отрицательнымъ отношеніемъ не только къ монашеству, но и къ самому христіанству. Подробнѣе говорить объ „очеркахъ“ не стоитъ. Любопытно, что здѣсь выведенъ уже не монастырь, а скитъ, при чемъ дѣлается намекъ даже на имя скита (поставлена начальная буква).

Столь же безобразенъ и рассказъ „Около угодника“, изображающій большой монастырь гдѣ-то, повидимому, на югѣ или востокѣ Россіи. По случаю монастырскаго праздника, туда собралась масса, до четырехъ тысячъ человекъ, народу; между тѣмъ, большой и, повидимому, богатый монастырь имѣетъ только одну старую и тѣсную гостиницу. Заранѣ предвидя неудовольствіе богомольцевъ и боясь беспорядковъ, монастырь приглашаетъ на время праздника стражниковъ и полицейскихъ, которые и пьянствуютъ въ одномъ изъ номеровъ. Ночь; идетъ холодный осенній дождь; громадная толпа богомольцевъ съ дѣтьми мокнетъ прямо на открытомъ воздухѣ, подъ дождемъ, а поѣздъ подвозитъ все новыхъ. Богатому купцу, за большія сравнительно деньги взимаемыя тутъ же, даютъ номеръ; другіе располагаются кое-какъ на лѣстницѣ и въ коридорахъ. Остальные съ громкими жалобами и бранью рвутся въ гостиницу; ихъ съ бранью же отгоняютъ полицейскіе. Чуть не съ полночи начинаютъ поднимать къ утрени спящихъ въ коридорѣ, поднимаютъ съ помощью полицейскаго, который дѣйствуетъ при этомъ ножнами своей шпаги и пинками. Монастырю нужно, чтобы богомольцами куплено было какъ можно больше свѣчей. Оставшихся богомолковъ изъ простыхъ заставляютъ мести въ коридорахъ полы, и онѣ поднимаютъ такія облака пыли, въ которыхъ ихъ самихъ скоро становится не видно. Отъ шума и пыли приходится вставать и ночевавшимъ въ номерахъ. Далѣе описываются ужасныя калѣчки и больные,—мнимо блаженная, даже предсказательница, а на самомъ дѣлѣ распутная дѣвушка; монахи, старающіеся какъ можно больше взять за писанье поминаній богомолкамъ и какъ можно скорѣе отдѣлаться; переполохъ въ церкви (кому-то показалось, что бросили бомбу); затѣмъ—идутъ насмѣшки надъ монастырскою службою и проповѣдью. Погода проясняется; народъ ночуетъ на открытомъ воздухѣ, и здѣсь свободно раздается революціонная пропаганда, при чемъ агитаторовъ авторъ старается окружить какимъ-то ореоломъ. Очевидная цѣль рассказа—представить монастырь, какъ царство тьмы, какъ оплотъ и очагъ реакціи, невѣжества и лжи, какъ мѣсто эксплуатаціи народа, и—

вмѣстѣ съ тѣмъ показать начинающееся пробужденіе народа. На выдумки, преувеличенія, издѣвательства и инсинуаціи авторъ не скупится *). „Казалось—говорить онъ о спящихъ богомольцахъ— что эти лежавшія тысячи были убиты тьмою, и какъ сонъ, какъ бредъ, проносился надъ ними торжествующій звонъ колоколовъ. Обступившій съ трехъ сторонъ темный лѣсъ шепталъ имъ что-то свое“. Такими словами кончается разсказъ **). Столь же усердно старается авторъ изобразить тщету молитвы и духовную темноту и беспомощность народа.

Ту же цѣль—показать тщету молитвы и суетность надежды на помощь Божию—преслѣдуетъ и небольшой разсказъ А. Федорова „Съ матерью“. Разсказъ изображаетъ путешествіе чахоточной женщины съ мальчикомъ—сыномъ въ монастырь къ чудотворной иконѣ св. Іоанна Крестителя въ день храмоваго праздника, на „Ивана Постнаго“, который, по нашему автору, бываетъ 30-го августа. Больная идетъ на богомолье съ вѣрою и надеждою, но, пришедши на мѣсто, не можетъ даже, за многолюдствомъ, попасть за всенощной въ церковь; на ночь не можетъ найти себѣ пристанища, ночуетъ на открытомъ воздухѣ и еще больше простуживается. Во время утрени она окончательно слабѣетъ и едва живая бредетъ съ сыномъ въ обратный путь. И все уже кажется ей и автору совѣмъ уже въ иномъ свѣтѣ. Даже богомольцы, ночью казавшіеся таинственными людьми, теперь „скучные и непріятные. Шумливые и грубые, они торгуются, бранятся, кричатъ. Уже многіе успѣли напиться пьяными. То и дѣло визжать гармоники и слышатся противныя пѣсни“. Даже солнце не хочетъ всходить надъ этой толпой. „Празднично-безтолково, скучно, сѣро. И мать съ сыномъ идутъ въ обратный путь, но уже безъ той свѣтлой надежды, съ которой они шли сюда. И томительно-однообразна, длинна и уныла ихъ дорога“.

*) Этому же автору принадлежитъ разсказъ, напечатанный въ той же „Русской Мысли“ вѣскольکو лѣтъ назадъ, гдѣ изображенъ почти идеальный сельскій священникъ; за те его сосѣди пастыри представлены (въ словахъ его взрослого сына) въ самомъ безобразномъ и позорномъ видѣ. Съ тѣхъ поръ авторъ въ своемъ нерасположеніи къ духовенству, очевидно, ушелъ еще дальше.

***) Судя по нѣкоторымъ чертамъ разсказа авторъ изображаетъ Саратовскую пустынь. Но въ такомъ случаѣ разсказъ заключаетъ въ себѣ явную клевету на монастырь,—хотя бы уже въ томъ, что, по словамъ богомольцевъ, въ разсказѣ, монастырь, „задавившись лѣсомъ“, не хочетъ для богомольцевъ сарая плетневаго поставить.

Оплеваніе монашествующихъ составляетъ содержаніе и цѣль и небольшого, написаннаго въ вычурномъ, декадентскомъ стилѣ, очерка Дм. Крачковскаго „Острова Бѣлаго моря“. Изображенъ Соловецкій монастырь.—Разсказъ имѣетъ цѣлью описать корыстолюбіе обитателей этого монастыря и ихъ безучастіе и грубость по отношенію къ бѣднымъ и простымъ богомольцамъ; показать также, какъ разочаровываются въ монастырь богомольцы. Здѣсь разсказывается, какъ ловко гостиникъ „худощавый старый монахъ съ безжизненными немигающими глазами“ отдѣляетъ „богатыхъ отъ бѣдныхъ, красивыхъ отъ некрасивыхъ, благородныхъ отъ неблагородныхъ“.

И красивымъ онъ говоритъ:

— Пожалуйте вотъ въ это помѣщеніе,—и онъ указываетъ на бѣлый домъ.

А некрасивымъ говоритъ:

— Эй, вы, ступайте за уголъ, тамъ будетъ деревянный домъ, и размѣщайтесь тамъ“.

Но и къ „красивымъ“ гостиникъ-монахъ относится различно. Генералу отъ кавалеріи и богатому кущу онъ даетъ отдѣльные номера, а остальныхъ—художниковъ, писателей и т. п. тискаетъ по нѣскольку человѣкъ въ одинъ номеръ, не взирая на ихъ протесты и жалобы.

Далѣе изображается стоящій у гробницъ основателей обители „древній монахъ, мнящій себя прорицателемъ. И онъ говоритъ каждому, кто приближается къ нему,—одному:

— Ты великъ, но все же малъ.

Другому:—Живешь, да умрешь.

Третьему:—Кайся, кайся, кайся“... И—что всего удивительнѣе эти слова производятъ будто бы на богомольцевъ угнетающее впечатлѣніе и наполняютъ ихъ души суевѣрнымъ страхомъ.

Затѣмъ—„монахи-торговцы испеченнымъ бѣлымъ хлѣбомъ (т. е., вѣроятно, просфорами), упитанные и лоснящіеся, продающіе малые хлѣбцы за большія деньги“, обирающіе у бѣдныхъ богомольцевъ за молебны послѣдніе пяточки; монастырскіе служки (вѣроятно, послушники), „нечесанные, лѣнливые и насмѣшливые“, безцеремонно выталкивающіе богомольцевъ. Богомольцы просятъ ѣсть, но имъ отказываютъ до слѣдующаго дня; только богатому кущу въ монастырской кладовой накладываютъ икру, семгу и сельди.

Совѣсьмъ другимъ характеромъ отличается и совѣсьмъ въ другомъ духѣ написанъ посвященный тѣмъ же Соловкамъ рассказъ Прокопія Щукина „Братъ Тихонъ“. Рассказъ написанъ въ приличномъ, ровномъ тонѣ: нѣтъ ни инсинуацій, ни издѣвательства, ни ругательствъ. Въѣстѣ съ тѣмъ въ немъ видно и знаніе изображаемой среды: видно, что авторъ изучилъ жизнь и бытъ монастыря, которые изображаетъ. Братъ Тихонъ—это послушникъ (поѣтому онъ и называется здѣсь только „братомъ“, а не „отцомъ“), пожилой уже человѣкъ изъ крестьянъ. Готовясь принять монашество, онъ пока находится „на испытаніи“. Тихонъ—крестьянинъ, вдовый и бездѣтный, но на родинѣ у него остались родные—братъ съ семьей. Плохо, очень плохо относилась къ Тихону невѣстка, но незлобивый Тихонъ давно уже забылъ всѣ обиды, и теперь, когда брата взяли на войну, и семья его стала бѣдствовать, Тихону смертельно жаль ихъ, и онъ тоскуетъ, не зная, чѣмъ имъ помочь. Тоска по родинѣ, впрочемъ, и раньше его мучила, чего не одобрялъ отецъ-настоятель, хорошо знающій всѣхъ монаховъ и послушниковъ. Тоска усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что Тихонъ живетъ почти въ полномъ одиночествѣ, въ монастырской пустынькѣ, гдѣ находится монастырская воскобѣлильня. Нѣсколько облегчаетъ Тихона только молитва да исповѣдь предъ духовникомъ,—отцомъ Никодимомъ, проникновеннымъ, замѣчательнымъ по духовной опытности и знанію человѣческаго сердца старцемъ. Чувствуя, что становится уже немоготу, Тихонъ выпрашиваетъ себѣ у настоятеля сожителя мальчика-годовика *). Но какъ ни ласково обращается Тихонъ съ мальчикомъ, хоть и учить его грамотѣ, учить разумно и толково,—мальчикъ, несмотря на то, что самъ привязывается къ доброму Тихону, не можетъ вынести тоски и холода житья въ пустынькѣ и начинаетъ такъ тосковать, что Тихонъ самъ приводитъ его назадъ въ монастырь.

Еще тяжелѣе становится послѣ этого Тихону, особенно во время страшныхъ зимнихъ сѣверныхъ вьюгъ. Такъ „однажды поднялась метель. Она наполнила всю пустыньку свистомъ и гуломъ. Слышался трескъ раскачавшихся деревьевъ, вой бури, стукъ въ сѣняхъ и что-то напоминающее то плачь, то хохоть, а

*) „Годовиками“ и „трудниками“ въ сѣверныхъ монастыряхъ называются богомольцы, остающіеся въ монастырѣ на извѣстное время „по обѣщанію“ или отдаваемые туда родителями, тоже по обѣщанію, въ качествѣ работниковъ.

разгулявшееся море издали слало свои звуки, властные и грозящіе... Метели не предвидѣлось конца. У Тихона вышелъ весь хлѣбъ, дрова, лучина. Онъ погружался въ безконечную полную ужаса ночь. Всѣмъ своимъ существомъ онъ чувствовалъ теперь значеніе тѣхъ „страховъ ночныхъ“, о которыхъ говорили житія святыхъ. Голодный, иззябшій, полунормальный лежалъ онъ въ своей хижинѣ. Ему начинало казаться, что этотъ адскій шумъ и грохотъ будутъ вѣчно терзать его слухъ и душу. Онъ зажималъ уши, стараясь заснуть, но зловѣщіе звуки врывались въ хижину, неслись на него, разрастались, и начавшееся забытье переходило въ страшный кошмаръ; звуки принимали форму и видъ: то были *бсы* (!), продѣлывавшіе рядъ то угрожающихъ то циничныхъ движеній, безобразные, озлобленные, готовящіе ему нестерпимыя муки... Братъ Тихонъ срывался съ своей холодной, жесткой постели и валился предъ иконой. Весь трепещущій, онъ обращался съ страстной мольбой къ угодникамъ—спасти его, сохранить, оказать свою помощь... И помощь, казалось ему, сходилла. Грохотъ и вой слышались уже за стѣнами кельи и постепенно удалялись. А въ кельѣ лишь прыгали тѣни отъ угасавшей и вздрагивавшей лампадки. Успокоеніе проливалось на измученную душу...“ но ненадолго... Поднимались тяжелыя думы о семьѣ брата; представлялся любимый племянникъ Митюшка, оборванный, голодный, бросившій ученье...—Ты тутъ спасаешься—говорилъ ему какой-то голосъ, а они тамъ умираютъ съ голода... И тщетно старался Тихонъ отогнать отъ себя этотъ голосъ... И снова слышался хохотъ и скрежетъ... И вдругъ все стихло; лампадка погасла... Тихонъ очнулся, вскочилъ и съ ужасомъ догадался, что онъ погребень заживо... кое-какъ, съ неимовѣрными усиліями, удастся ему откопаться. Послѣ этого Тихонъ рѣшаетъ окончательно отречься отъ міра, отъ мірской „ругани и содома“, сдержать обѣщаніе, данное угодникамъ, и постричься. Но тотъ же многоопытный и мудрый отецъ Никодимъ не совѣтуетъ Тихону постригаться до осени, а совѣтуетъ сначала выдержать весенній искусь.—„Погоди, что еще весна скажетъ... весенній искусь самый тяжелый и опасный...“ И дѣйствительно, съ весною снова нападаютъ на Тихона прежнія думы и грусть... А тутъ еще письмо пришло изъ деревни, т.-е. собственно не письмо, а официальное увѣдомленіе изъ волостного правленія о смерти брата, убитаго на войнѣ, съ припискою писаря, что „невѣтка твоя Хведосья Марковна и племянникъ твой Митрій добре уби-

ваются...“ Не выдерживаетъ Тихонъ, бросаетъ мысль о монашесствѣ и уважаетъ совсѣмъ на родину. Тамъ сразу же ему находится масса дѣла, и своего и общественнаго. „Здѣсь чувствовалась новая жизнь; кругомъ все волновалось и бурлило, какъ предъ весеннимъ половодьемъ... И деревня валомъ валила къ Тихону съ своими общественными нуждами. Она сразу оцѣнила грамотнаго, дѣловитаго и счастливаго односельчанина и стремилась использовать эти качества въ своихъ интересахъ... Тутъ выживали винную лавку; тамъ составляли приговоръ о новой школѣ; въ сосѣдней деревнѣ устраивалась сельско-хозяйственная артель. Вездѣ велись горячіе разговоры о землѣ, о Думѣ... Къ Тихону шли съ недоумѣніями, съ просьбами написать прошеніе, поѣхать въ городъ, хлопотать, подписаться на газету, въ которой „была бы вся правда прописана“, разузнать, какія вѣсти изъ губерніи и изъ Питера... Тихонъ метался съ утра до ночи, но на душѣ его было свѣтло и радостно. Ни смущенію, ни раскаянію не было мѣста. Онъ всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ, что *дѣлаетъ дѣло*“ (эти слова подчеркнуты и въ разсказѣ). Пожалуй, вмѣсто монашества, онъ очутится еще членомъ какого-нибудь „крестьянскаго союза...“

Повторяемъ, что разсказъ написанъ въ приличномъ и ровномъ тонѣ. Нѣтъ ни ругательствъ, ни инсинуацій, ни издѣвательства ¹⁾. И настоятель, и большинство остальныхъ, выведенныхъ въ разсказѣ монаховъ, представлены людьми, а не какими-то и нравственными и физическими уродами, какъ у Подъячева и компаніи, и за всѣмъ тѣмъ тенденція и здѣсь свѣтится ярко и нисколько не скрывается. Совершенно ясно выходитъ по автору, что настоящая жизнь—лишь въ міру, среди людей, и даже болѣе того—въ участіи въ освободительномъ движеніи, а монашество, иноческій подвигъ—лишь пустыя грезы, вредный самообманъ. Забыто даже культурное (не говоримъ уже о нравственномъ) значеніе такихъ монастырей, какъ Соловецкій, Валаамъ, Новый Афонъ и многіе другіе—значеніе давно призванное и литературой, даже самимъ Василиемъ Немировичемъ-Данченко. Есть и другая тенденція, именно, что искушенія, о которыхъ повѣствуютъ житія святыхъ—только бредъ разстроенаго вообра-

¹⁾ Любопытное сопоставленіе: въ разсказѣ Крачковскаго капитанъ монастырскаго парохода монахъ ругается почти неприличными словами; здѣсь же: „безъ криковъ и ругательствъ методически и дѣловито отдаются и исполняются приказанія на пароходѣ...“

женія, галлюцинаціи, навѣваемыя выюгами и другими явленіями природы. Слишкомъ ужь разумнымъ и разсудительнымъ—въ духѣ автора—представленъ двѣнадцатилѣтній крестьянскій мальчикъ Петръ; да и роль въ деревнѣ самого Тихона слишкомъ уже—опять-таки тенденціи ради—преувеличена. При запущенномъ донельзя нищенскомъ собственномъ хозяйствѣ когда и гдѣ было старику Тихону, вдобавокъ отвыкшему отъ мірской суеты и въ, особенности, отъ города, метаться съ утра до ночи по общественнымъ дѣламъ, да и старь онъ для этого: теперь для этого въ деревняхъ есть немало грамотной и энергической (даже черезчуръ энергической и „просвѣщенной“) молодежи.

Относительно же всѣхъ этихъ разсказовъ нужно сказать вообще, что ихъ антихристіанскія тенденціи такъ ярки, и цѣли, ими преслѣдуемыя, такъ очевидны и открыты, что ясно, какого довѣрія заслуживаютъ они.

Свящ. Н. Колосовъ.

Слово въ день Усѣкновенія главы Крестителя Іоанна.

И вопрошаху его (Іоанна) народи, глаголюще: Что убо сотворимъ? Отвѣщавъ же глагола имъ: имъйи двѣ ризь, да подастъ немилуемцу, имъйи брашна, такожде да творитъ. (Лук. 3. 10. 11).

Такъ величайшій изъ пророковъ Предтеча Христовъ Іоаннъ отвѣчалъ народу, вопрошавшему о томъ, что должно дѣлать, чтобы удостоиться принятія въ царство Божіе. Смыслъ этого отвѣта такой: помогайте всѣ другъ другу въ законныхъ нуждахъ: въ одеждѣ, пищѣ, жилищѣ и пр. кто чѣмъ можетъ.

Одно изъ золъ, обременяющихъ жизнь человѣческую, составляютъ нужды житейскія. Давно замѣтно, что жизнь время отъ времени становится труднѣе, нужды умножаются, и жалобы на недостаточность жизненныхъ средствъ слышатся чаще и громче, хотя то несомнѣнно, что словомъ нужда часто злоупотребляютъ, называя нуждами то, что справедливѣе было бы назвать прихотью или излишествомъ: тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что и дѣйствительныя нужды, и число нуждающихся возрастаетъ быстро во всѣхъ странахъ и во всѣхъ почти сословіяхъ. Отчего же это? Оттого ли, что меньше стало предметовъ, отъ которыхъ зависитъ довольство жизни и благосостояніе людей, или меньше употребляется труда для приобрѣтеній этихъ предметовъ? Но нѣтъ

люди ближе и глубже стали знакомиться съ природою, тѣмъ прежде, и, говоря вообще, трудъ съ большей настойчивостію разрабатываетъ ее и въ ней отыскиваетъ новые предметы для удовлетворенія требованіямъ жизни. Всѣ новыя открытія, изобрѣтенія дѣлаются новыми источниками довольства и удобства жизни, и потому, казалось бы, время отъ времени нужды должны уменьшаться, а не умножаться. Но на дѣлѣ выходитъ иначе. Итакъ, отчего же это?

Между различными причинами умноженія нуждъ многія скрываются въ тайныхъ распоряженіяхъ Правительства. Но болѣе видимою и общою изъ нихъ представляется утрата древней строгости нравовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уклоненіе отъ древней христіанской простоты жизни. Неизбѣжное послѣдствіе сего уклоненія есть водвореніе роскоши, окончательно растлѣвающей нравы, разслабляющей душу и тѣло и питающей всѣ страсти.

Несправедливо бы стали упрекать однихъ знатныхъ и богатыхъ въ расслабленіи нравовъ и роскоши; древняя простота и строгость нравовъ въ послѣднее время видимо все болѣе и болѣе удаляются отъ всѣхъ сословій безъ всякаго исключенія. Тщеславіе и самомнѣніе, оскуденіе правды и искренности въ словѣ и дѣлѣ, своекорыстіе, себялюбіе и зависть открыто встрѣчаются при každодневныхъ сношеніяхъ житейскихъ. Оттуда неуваженіе и недовѣрчивость къ высшимъ, и къ низшимъ, и другъ къ другу; неуваженіе къ личности и собственности другихъ и всѣ тѣ печальныя явленія, которыми полна современная жизнь и на которыя отовсюду слышатся жалобы. Слуга завидуетъ господину, господинъ не довѣряетъ слугѣ; хозяинъ обременяетъ трудомъ работника, мало заботясь о равномерномъ вознагражденіи его, работникъ пользуется случаемъ обмануть хозяина, чтобы самому вознаграждать себя за труды, невознагражденные хозяиномъ, а дѣйствуя скопомъ рабочіе производятъ забастовки, тѣ забастовки, которыя, разстроивъ экономическую жизнь страны, привели къ дороговизнѣ всего, между тѣмъ роскошь, порожденіе себялюбія и тщеславія—разливается какъ горный потокъ отъ высшихъ слоевъ общества на всѣ низшія, не исключая и самобѣднѣйшихъ въ возможномъ для нихъ видѣ и степени. Спуститесь изъ обширныхъ и великолѣпныхъ зданій въ сырыя и темныя жилища подъ ними, гдѣ ипуть себѣ пріюта нужда и бѣдность,—и тамъ часто одинъ семейный праздникъ поглащаетъ плоды многодневныхъ трудовъ, и тамъ для ненужнаго, часто вреднаго, не всегда приличнаго, но принятого дурнымъ обычаемъ, наряда семейство произвольно осуждаетъ себя на лишеніе себѣ въ нужномъ.

При распространяющейся роскоши множество предметовъ сдѣлались для насъ необходимыми, хотя они не только не способствуютъ къ благоустроенію нашей жизни, но стѣсняють ее иногда до крайности, при умноженіи же искусственныхъ, придуманныхъ или принятыхъ отъ вреднаго обычая нуждъ и потребностей, необходимо должны умножаться и дѣйствительныя нуж-

ды и затрудиться удовлетвореніе истиннымъ потребностямъ жизни. Творецъ природы создалъ все вѣсомъ и мѣрою, исчислилъ отъ вѣчности жителей земли, соразмѣрно съ ними наполнилъ землю нужными для нихъ дарами. Но если люди оставляютъ естественный порядокъ жизни, если значительная часть ихъ истребляетъ изъ запасовъ природы болѣе, нежели назначено на ихъ долю, то какъ ни богата сокровищница природы, съ какими бы усиліями ни стали разрабатывать ее трудъ и искусство, щедрые дары ее должны оскудѣть, болѣе или менѣе ощутительныя нужды должны постигнуть многихъ и богатыхъ и бѣдныхъ, и ни трудъ, ни искусство, ни сила законовъ, никакія преобразованія общественныя и государственныя не исправятъ зла. Улучшенія гражданскія, возводимыя нынѣ пути скорого сообщенія для сокращенія труда и времени во взаимныхъ сношеніяхъ людей, разныя предпріятія общественныя и частныя для облегченія взаимныхъ нуждъ, отчасти удовлетворяя имъ, въ то же время вызываютъ новыя потребности и новыя нужды, не могутъ вполнѣ достигнуть своихъ лучшихъ цѣлей, доколѣ не совершится въ насъ внутреннее преобразование, сообразное съ требованіями вѣчныхъ законовъ Подателя жизни, доколѣ не возвратимся мы къ утраченной строгости нравовъ и простотѣ жизни.

Такое преобразование можетъ совершиться въ насъ только силою любви христіанской, правильно понимаемой. Она уже преобразовала древній міръ не внѣшними средствами, а своею собственною силою, и указала людямъ истинный путь къ благополучію и благоустроенію жизни. Припомнимъ жизнь первыхъ христіанъ: она началась тогда, когда потребности жизни въ языческомъ мірѣ сдѣлались едва ли немного сложнѣе нашихъ. Но это не помѣшало искреннимъ послѣдователямъ Христовымъ, глубоко принявшимъ завѣщанный отъ Него духъ любви, оставить придуманныя суестью правила жизни, утонченные обычаи общежитія, все излишества, введенныя роскошью, а ввести въ жизнь постоянный и честный трудъ, сообразный съ чистотою нравовъ ихъ, разумную умѣренность, вмѣстѣ со строгою благопристойностію во всемъ: въ жилищахъ, въ столѣ и въ одеждѣ. Введеніе новаго образа и порядка жизни по указанію и подѣ вліяніемъ духа христіанской любви, освободивши ихъ самихъ отъ нуждъ, навязанныхъ суестью и растлѣнными обычаями вѣка, дало имъ возможность помогать въ дѣйствительныхъ нуждахъ не только своимъ по вѣрѣ, но и невѣрнымъ, разливать благотворную теплоту любви на на всѣхъ безъ различія, подобно тому, какъ Отецъ небесный разливаетъ свѣтъ и теплоту солнечную на благія и злыя.

Будемъ усердно молить Господа, чтобы Онъ всѣмъ намъ вложилъ искреннее желаніе терпѣніемъ и властію надъ собой возстановить древнюю строгость нравовъ и возвратиться къ древне христіанской простотѣ жизни, чтобы въ нихъ снова открыть забытый источникъ довольства для всѣхъ при посредствѣ благотворительности, общественной и частной. Высшимъ образцомъ въ семь

великомъ дѣлѣ да будетъ намъ празднуемый нынѣ въ рожденныхъ женами большой и высшій пророковъ Предтеча Господень Іоаннь. Аминь.

Протоіерей *Алексій Суходскій.*

Лѣтопись епархіальной жизни.

Крестный ходъ. 26 августа, въ день празднованія Владимірской иконѣ Богоматери, былъ совершенъ большой крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Срѣтенскій монастырь.

Изъ Кремля крестный ходъ выступилъ въ сопровожденіи преосвященнаго Трифона, епископа Дмитровскаго. Литургію въ Срѣтенской обители совершалъ Высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій. Обратнo въ Кремль крестный ходъ сопровождалъ преосвященный Серафимъ, епископъ Можайскій.

Торжественныя богослуженія. 30 августа, въ кафедральномъ соборѣ, по случаю престольнаго праздника въ честь святаго князя Александра Невскаго, литургію и молебствіе, при большомъ стеченіи молящихся, совершалъ Высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Крестные ходы и молебствія. Въ субботу, 1 сентября, въ храмѣ св. Троицы, что на Листахъ, послѣ литургіи предъ привезенными въ храмъ чудотворными иконами: Спасителя, Иверской Богоматери, св. Трифона и прочими святынями было совершено благодарственное молебствіе по случаю избавленія отъ губительной болѣзни. Послѣ молебна былъ совершенъ крестный ходъ по Срѣтенкѣ, Сухаревской площади и другимъ улицамъ вокругъ прихода. Стеченіе молящихся было весьма значительное.

Въ воскресенье, 2 сентября, были совершены крестные ходы изъ церквей: при Покровской общинѣ, при Мѣщанской богадѣльнѣ, Николаевской, что въ Покровскомъ и Введенской, что въ Семеновскомъ на Введенскую площадь. Здѣсь, на особо уготованномъ мѣстѣ предъ принесенной чудотворной иконой Іерусалимской Богоматери изъ Измайловской богадѣльни и прочими чтимыми святынями было совершено благодарственное молебствіе по случаю избавленія отъ губительной болѣзни, а затѣмъ крестный ходъ, который направился по Большой и Малой Семеновскимъ улицамъ и по ближайшимъ переулкамъ, вокругъ Введенскаго прихода. Стеченіе богомольцевъ было громадное.

2 сентября былъ совершенъ крестный ходъ изъ Успенской, что на Крутицахъ, церкви на площадь предъ Крутицкими казармами. Здѣсь предъ чудотворной иконой Нерукотвореннаго Спаса изъ Новоспасскаго монастыря, чтимыми въ Москвѣ святынями было отслужено благодарственное молебствіе по случаю избавленія жителей этой мѣстности отъ губительной болѣзни. Богослу-

женіе совершалъ благочинный о. протоіерей И. А. Орфаницкій съ прочимъ духовенствомъ при пѣніи мѣстнаго хора любителей и громадномъ стеченіи молящихся. По провозглашеніи о. Ризположенскимъ многолѣтій крестный ходъ направился по Крутицкимъ переулкамъ и Камеръ-Коллежскому валу и въ 2 часа дня возвратился въ храмъ.

Пятидесятилѣтіе служенія св. Церкви о. Воскресенскаго. Въ субботу, 1 сентября причтъ и прихожане Спасо-Преображенской, что на Срѣтенкѣ, церкви чествовали своего священника о. Дмитрія Воскресенскаго по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его служенія св. Церкви. Юбилляръ, по окончаніи курса въ Виѣанской семинаріи, былъ назначенъ 1 сентября 1857 года преподавателемъ въ Дмитровское духовное училище, а въ 1864 году былъ переведенъ въ Москву въ Заиконоспасское училище. Черезъ 3 года онъ былъ рукоположенъ въ санъ діакона къ Спасо-Преображенской, что на Срѣтенкѣ, церкви, а въ 1897 году назначенъ къ ней же на открытую вакансію священникомъ.

Богослуженіе совершалъ мѣстный благочинный о. протоіерей А. В. Никольскій съ родственниками и бывшими сослуживцами юбиляра, среди которыхъ находился и благочинный Сергіевской Лавры о. Аверкій. Послѣ литургіи о. благочинный и настоятель храма о. Любимовъ произнесли юбиляру глубоко прочувствованныя привѣтствія; ктиторъ храма прочелъ адресъ, а затѣмъ юбиляру были поднесены: отъ причта служебникъ въ серебряномъ окладѣ, отъ прихожанъ драгоценный серебряный вызолоченный съ эмалью складень съ храмовыми иконами. Торжество закончилось молебствіемъ съ провозглашеніемъ многолѣтія юбиляру, котораго затѣмъ привѣтствовали его сослуживцы, духовныя дѣти и прихожане, во множествѣ бывшіе въ храмъ за богослуженіемъ.

Закладка памятника на мѣстѣ убіенія Великаго Князя Сергія Александровича. 4 сентября, въ 8½ часовъ утра, въ Кремлѣ, на мѣстѣ убіенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, совершена была закладка памятника.

На мѣсто закладки прибыла Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна. Здѣсь же собрались лица свиты Ея Высочества, Московскій градоначальникъ Свиты Его Величества генераль-майоръ А. А. Рейнботъ, Московскій губернаторъ флигель-адъютантъ В. Ѳ. Джунковскій и другія лица, среди которыхъ находились командиръ и офицеры Кіевскаго гренадерскаго полка. На Сенатской площади, у мѣста закладки выстроилась первая рота 5-го гренадерскаго Кіевскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны полка, съ оркестромъ музыки.

Протоіереемъ К. П. Звѣревымъ была совершена соборнѣ панихида по Великому Князѣ Сергіѣ Александровичѣ. Во время пѣнія хора: „со святыми упокой“ и „вѣчная память“, Ея Импе-

раторское Высочество Великая Княгиня Елисавета Теодоровна и всѣ присутствующіе опускались на колѣни.

Послѣ панихиды совершена была закладка памятника, который сооружается въ видѣ креста на громадномъ мраморномъ пьедесталѣ. Во время богослуженія у мѣста закладки памятника собралось много богомольцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ молились колѣнопреклоненные.

Празднованіе двухсотлѣтія храма. 4 сентября причтъ и прихожане храма Неопалимой Купины, что близъ Дѣвичьяго поля, праздновали двухсотлѣтіе со дня освященія нынѣ существующаго храма, построеннаго въ 1707 году прихожанами.

3 сентября утромъ въ Неопалимовской церкви о. настоятелемъ была совершена заупокойная литургія и панихида по почившимъ храмоздателямъ, священнослужителямъ и прихожанамъ. Въ 3 часа дня, послѣ вечерни предъ чудотворной иконой Богоматери, именуемой „Неопалимая Купина“, было совершено молебствіе съ акаѳистомъ, а въ 6 ч. вечера всенощное бдѣніе, которое совершалъ преосвященный Серафимъ, епископъ Можайскій при громадномъ стеченіи богомольцевъ.

4 сентября литургію и молебствіе совершалъ Его Высокопреосвященство Владыка митрополитъ Владиміръ съ о.о. протоіереями: Д. П. Некрасовымъ, С. В. Успенскимъ, настоятелемъ храма о. Троицкимъ и о. Протопоповымъ. Пѣлъ хоръ г. Цвѣткова. Владыка митрополитъ произнесъ глубоко прочувствованное слово.

Храмъ былъ декорированъ тропическими растеніями и гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ. Во время богослуженія церковь была переполнена массой богомольцевъ, которые получили благословеніе отъ Владыки митрополита.

Объявленія.

ОТЪ ДИРЕКТОРА МОСК.

РЕГЕНТСКИХЪ КЛАССОВЪ.

(Съ казенными правами, на Арбатѣ, д. 4).

Съ 1 Сентября открывается IV-курс. Приемъ прошеній отъ лицъ обоюго пола до 15 Сент. Приемн. экзамены и нач. занятій около 1 Сентября. Курсъ ученія для лицъ безъ всяк. подготовки 4-года. Плата 50 р. въ полуг. Рег. классы дѣлятся на четыре класса: 1) *регитскій*, 2) *капельмейстерскій*, 3) *инструментальный* и 4) *сольфеджіо*. Отерочка воинской повинности. Есть общежитіе. Просекты высыл. бесплатно. Программа по вѣмъ предм. высыл. за двѣ 7 коп. марки.

Р. С. Вышелъ изъ печати II изданіемъ, принят. какъ руковод. въ Регентск. клас. и Город. учил., Б. Решке. Методъ развитія слуха и чтенія нотъ: (сольфеджіо) въ связи съ эл. теоріею, принос. для пѣвцовъ, учебн. завед., церк. и монаст. хоровъ (помѣщ. необход. школы молитвы). Часть I—X по 25 коп. Высылается наложеннымъ платежемъ. Для учебн. завед. и хоровъ—скидка. Прод. во вѣхъ муз. магаз. и в Рег. клас. на Арбатѣ, д. 4.

КЪ 250-ЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ напечатана книга:

„Церковь свв. муч. Флора и Лавра, что у Мясницкихъ воротъ, въ Москвѣ“. Сост. діаконъ Н. Виноградовъ. Изданіе М. И. Мишина. Цѣна 1 рубль.

Гл. I. о храмѣ (историческія свѣдѣнія, 1547—1907 г.г. Внѣшній видъ, внутреннее устройство, святыня и предметы древности Надписи). Гл. II. Священно-церковно-служители и церковные старосты. Гл. III. Прихожане. 47 стр. въ большую четвертку, 13 рис. и 2 плана.

Отдѣльное изданіе первой главы въ $\frac{1}{8}$ долю листа съ 11 рис., цѣна 35 коп.

Въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ имѣются *того же автора* описанія церквей Успенской, въ Печатникахъ, Сергіевской, въ Пушкинскихъ, Знаменской, на Знаменкѣ и Николо-Стрѣлецкой, Тихоновой пустыни, иконы свят. Николая „Можайскаго“ и указатель литературы по исторіи Москвы и Моск. губ. за 1903 г.

ВНИМАНІЮ ДУХОВЕНСТВА И ЦЕРКОВНЫХЪ СТАРОСТЬ.

Вышелъ изъ печати „КАЛЕНДАРЬ-ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ НА 1908 Г.“ (Для духовенства и народа); цѣна 20 коп., съ какового изданія дѣлается для церквей скидка въ размѣрѣ 10%; требующимъ не менѣе 10 экз. для продажи—20%; 25 экз. и болѣе—25%. Требуемое количество экз. доставляется по указанному адресу.

Требованія просятъ адресовать: Москва, Новоспаскій монастырь, кв. ризничаго.

3—1

Ред.-изд. іером. Валентинъ.

ПО ЦЕРКОВНОМУ ПЪНІЮ ИЩУ УРОКОВЪ.

Адресъ: Больш. Семеновская улица, Покровскій монаст., регенту А. Болховитинову.

277.3—2

Содержаніе: Соціаль-демократія и исторія.—Бесѣда на Еванг. отъ Луки, XI гл. 1—4 ст.—По крестьянскимъ хатамъ.—Православные русскіе монастыри въ новѣйшей русской литературѣ.—Слово въ день Усѣкновенія главы Крестителя Иоанна.—Лѣтопись епархіальной жизни.—Объявленія.—Резолюціи Митрополита Филарета. (Продолженіе).

При семь № прилагается „Московскій Благовѣсть“ № 34. Цѣна листовъ безъ пересылки 70 коп. за 100, съ пересылкой 90 коп. При выпискѣ на 5 руб., пересылка бесплатно

Цензоръ

Протоіерей Н. Извъковъ.

Исп. об. редактора

Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

кои можно указать короче, безъ дальнихъ соображеній. Цѣлую книгу разсматривать мнѣ не можно; но по замѣченному на трехъ страницахъ трудно имѣть выгодное мнѣніе о книгѣ. 10) Итакъ, вотъ мое заключеніе. Не могу принять участіе въ одобреніи сей книги къ напечатанію моимъ согласіемъ. И комитету совѣтую внимательнѣе осмотрѣться, чтобы не одобрить нестройной груды понятій не соображенныхъ, сбивчивыхъ, только въ половину истинныхъ, взаимно противорѣчащихъ, досаждающихъ знающему, запутывающихъ незнающаго, и чтобы не отвѣтствовать за то предъ закономъ и Святѣйшимъ Синодомъ. 11) Случайно раскрываю еще статью объ антиминосѣхъ. Въ дефиниціи упоминается о положеніи Господнемъ во гробѣ. Въ дефиниціи должны быть черты предмета существенныя и постоянныя. Гдѣ же сіе въ сей дефиниціи? Пошлите сочинителя въ единовѣрческую церковь: тамъ опровергнуть его дефиницію. Гдѣ тутъ археологія? Посмотрите старинныя антиминосы русскіе: на нихъ нѣтъ положенія Господня во гробѣ, а только крестъ“.

4453. Резолюція отъ 24 мая 1834 г. на представленіи отъ ректора Московской духовной академіи, архимандрита Поликарпа, составленной имъ программы для публичнаго испытанія студентовъ академіи, по случаю окончанія девятаго курса и плана сего испытанія: „1) По нѣкоторымъ предметамъ назначено въ обзорѣніи очень мало, и статьи такія, которыя почти не даютъ случая испытующимъ войти въ дѣло и усмотрѣть ходъ науки. Хорошо ли, напримѣръ, весь экзамень словесности ограничить одною идеею высокаго, о которой много бываетъ высокочарныхъ толковъ, но которая не чаще отъ того встрѣчается на дѣлѣ? Перемотрѣть о. ректору конспектъ съ нѣкоторыми членами конференціи, и стараться дать ему болѣе удовлетворительный видъ, и тогда напечатать. 2) О назначеніи дней открытаго испытанія напомнить въ слѣдующемъ мѣсяцѣ въ Москвѣ; а печатать о семъ не нужно. 3) Желательно, сколь можно, благовременно видѣть сочиненія, приготовленныя для чтенія на открытомъ испытаніи“.

4454. Резолюція отъ 9 іюня 1834 г. на репортѣ ректора Высокотетровскаго училища, Архангельскаго собора протоіерея Арсенія Тяжелова, о похищеніи у діакона Архангельскаго собора Николая Шумова 31 мая, изъ квартиры чрезъ растворенное окно, 35 руб. ассигн. и 5 р. 86 коп. монетою, и серебрящей табакерки изъ комода, скрывшимся неизвѣстно куда, ученикомъ низшаго отдѣленія Высокотетровскаго училища Иваномъ Сперанскимъ,

при содѣйствіи учениковъ того же отдѣленія Петра Доброп-
рова и Константина Румянцева: „Семинарскому Правленію учи-
нить слѣдующее. 1) Похитителя и бѣглеца Сперанскаго исклю-
чить изъ училища и изъ духовнаго званія, и чрезъ консисторію
препроводить въ Губернское Правленіе, какъ оказавшагося къ
продолженію ученія и къ духовному званію неблагонадежнымъ.
2) Румянцева, участника въ похищеніи и въ похищенномъ,
исключить изъ училищнаго вѣдомства въ то, къ которому онъ
принадлежитъ по рожденію. 3) Добропорова, котораго вину
уменьшаетъ малолѣтство, предоставить отцу наказать и оставить
въ училищѣ подъ строгимъ присмотромъ, есть ли не будетъ
подлежать исключенію по ученію“.

4455. Резолюція отъ 15 іюня на представленіи отъ Правленія
Московской духовной семинаріи подлиннаго дѣла, истребаван-
наго изъ Коломенскаго духовнаго Правленія, о скоростижной
смерти ученика низшаго отдѣленія Коломенскаго духовнаго учи-
лища Иліи Бажанова: „Въ дѣлѣ видно слѣдующее. 1) Осмотрѣ
тѣла 12 апрѣля былъ безъ врача и безъ депутата съ духовной
стороны. 2) Подъ присяжнымъ листомъ, писаннымъ 12 или 13
апрѣля, депутатъ подписался уже 2 іюня, а почему такъ поздно,
необъяснено ни имъ, ни производителемъ дѣла. 3) Подъ свидѣ-
тельскими показаніями, взятыми 13 апрѣля, депутатъ подписался
тоже 2 іюля и объяснилъ, что при допросѣ былъ; а какъ сего
не объяснилъ подъ присяжнымъ листомъ, то должно заключить,
что онъ при присягѣ не былъ. 4) Въ осмотрѣ городничаго и
стряпчаго сказано, что на тѣлѣ никакихъ знаковъ не оказалось:
но сему противорѣчить свидѣтельское показаніе Игнатьевой, что
ученикъ наканунѣ былъ высѣченъ. 5) Ученикъ Смирновъ пока-
залъ, что былъ ли ученикъ Бажановъ высѣченъ въ понедѣль-
никъ и во вторникъ (9 и 10), онъ, занимаясь ученіемъ и приго-
товленіемъ отвѣтовъ, не замѣтилъ. Изъ сличенія сего показанія
съ показаніемъ Игнатьевой, возникаетъ подозрѣніе, что Бажа-
новъ сѣченъ былъ два дня сряду. Достойно примѣчанія, что
Смирновъ не отрицаетъ наказанія, не говоритъ, что при томъ
былъ, но что, занимаясь, не замѣтилъ; а сіе невѣроятно. 6) Ученикъ
умеръ 11 числа въ 12 часу утра; старшій донесъ о томъ Смотри-
телю тотъ же часъ; а Смотритель объявилъ о семъ городничему
уже на другой день. 7) Свидѣтельство врача произведено 13 ап-
рѣля безъ депутата съ духовной стороны; и хоть въ немъ упо-
мянуто, что оно было при городничемъ и стряпчемъ, но они сего

свидѣтельства не подписали, а изъ особаго ихъ акта видно, что они осматривали тѣло не 13, а 12 числа. 8) Старшій ученикъ Соболевъ о сѣченіи Бажанова незнаніемъ отозвался невѣроятно, когда и женщины о томъ знали. 9) По неудовлетворительности показаній двухъ учениковъ, слѣдовало бы о сѣченіи спросить другихъ и особенно дойти, чрезъ кого произведено наказаніе, но сего не сдѣлано. 10) Городничій отъ 4 маія увѣдомилъ смотрителя, что Бажановъ умеръ отъ удара: посему не видно, какимъ образомъ, и по какому праву совершенно погребеніе ученика прежде сего увѣдомленія. 11) О сей сомнительной смерти, случившейся 11 числа апрѣля, смотритель и инспекторъ донесли своему начальству уже 28 апрѣля. 12) Городничій въ отношеніи въ духовное Правленіе 4 іюня признаетъ, что слѣдуетъ спросить нѣкоторыхъ учениковъ, но почему сего не сдѣлано до сего времени, слишкомъ въ полтора мѣсяца отъ событія, не объясняетъ: а изъ соображенія чиселъ видно, что и сіе отношеніе и подписи депутата сдѣланы уже тогда, когда уже потребовано дѣло въ семинарское Правленіе.—Посему семинарскому Правленію: 1) дѣло сіе, по снятіи копии, препроводить въ консисторію для должнаго направленія и окончанія, сообразно съ закономъ и справедливостью; 2) могутъ ли смотритель и инспекторъ оставаться при своихъ должностяхъ, разсмотрѣть и дать мнѣніе“.

4456. Резолюція отъ 26 іюня на представленіи Правленія Московской духовной семинаріи со справкою о двухъ воспитанникахъ, просившихся объ увольненіи въ медицинскій институтъ при Московскомъ университетѣ: учениковъ средняго отдѣленія Викторъ Старковъ, бывшемъ на содержаніи отца и Алексеѣ Зерчениновъ, бывшемъ, по сиротству своему, на полномъ казенномъ коштѣ: „1) Поелику Зерчениновъ въ половинѣ семинарскаго курса не объявилъ о намѣреніи выйти изъ духовнаго званія и продолжалъ донинѣ пользоваться казеннымъ содержаніемъ: то его нынѣшнее желаніе уважить по 8 пункту положенія 6 декабря 1829 года не слѣдуетъ. 2) Семинарскому Правленію впредь при рѣшеніи дѣлъ справокъ съ законами не пропускать. 3) Съ Старковымъ поступить по мнѣнію Правленія (объ увольненіи)“.

4457. Резолюція отъ 7 августа 1834 г. на представленіи Правленія Виенской духовной семинаріи о дозволеніи принять для продолженія ученія въ семинаріи ученика средняго отдѣленія Павла Фелицина, присланнаго, по испытаніи, обратно изъ Московскаго медицинскаго при университетѣ института, и перевести его въ

высшее отдѣленіе, какъ удержавшаго за собою первый разрядъ: „Какъ ученикъ, изъявившій желаніе вступить въ заведеніе медицинское, и только по неволѣ возвращенный вспять, мало надеженъ для духовнаго званія: то дозволяется допустить его до продолженія ученія въ семинаріи не иначе, какъ privato на своемъ содержаніи до слѣдующаго испытанія, послѣ котораго семинарское Правленіе дастъ мнѣніе, можно ли принять его рѣшительно, или должно вовсе исключить. 2) Представить мнѣдѣло объ отправленіи учениковъ въ вѣдомство медицинское и о возвращеніи ихъ оттуда“.

4458. Резолюція отъ того же числа на представленіи Виѣанской семинаріи объ увольненіи въ епархіальное вѣдомство, для поступленія, по желанію, въ свѣтское званіе, ученика средняго отдѣленія семинаріи Алексѣя Лавровскаго, который, будучи отправленъ въ Московскій медицинскій при университетѣ институтъ, по испытаніи, обратно присланъ въ семинарію, по выдачѣ ему надлежащаго свидѣтельства: „Исключить его изъ семинаріи и препроводить со свидѣтельствомъ въ консисторію, дабы она, согласно съ его желаніемъ, препроводила его въ губернское Правленіе, для избранія рода жизни или службы, согласно съ желаніемъ его поступить въ свѣтское званіе“.

4459. Резолюція отъ того же 7 августа на представленіи отъ Правленія Виѣанской семинаріи: 1) особо дѣла объ ученикахъ Фелицинѣ и Лавровскомъ, на прошеніяхъ ихъ—перваго о дозволеніи ему продолжать ученіе въ семинаріи, по прежнему, и о переводѣ его въ высшее отдѣленіе, а втораго—объ увольненіи его изъ семинаріи, и 2) мнѣнія о препровожденіи въ Правленіе Московскаго университета требуемыхъ медицинскимъ институтомъ при семъ университетѣ денегъ, какъ засодержаніе въ ономъ учениковъ, такъ и выданныхъ имъ обратно на прогоны и путевыя издержки, всего 40 руб. 31 коп. ассигн., взыскавъ оныя съ членовъ семинарскаго Правленія: „1) Какъ случай сей показываетъ или невнимательность избранія, или слабое преподаваніе въ семинаріи тѣхъ наукъ, въ которыхъ было ученикамъ испытаніе въ университетѣ: то семинарскому Правленію подтверждается смотрѣть за симъ тщательнѣе и преподавателямъ подтвердить, чтобы преподаваніе направляли не къ выученнымъ отвѣтамъ по памяти, но къ основательному познанію предметовъ и къ разсудительнымъ отвѣтамъ всякому вопрошающему. 2) Есть ли члены семинарскаго Правленія на законномъ основаніи обращаютъ на себя взысканіе тре-

буемыхъ денегъ: то я сему не противорѣчу. 3) Ученики безсѣдно поступили, требуя не только прогонныхъ, но и особымъ прошеніемъ путевыхъ денегъ, обременяя свое начальство, за свою негодность, денежнымъ взысканіемъ, сверхъ стыда возвращенія. На вакацію къ отцамъ шли бы они безъ прогонныхъ и безъ путевыхъ денегъ: почему же идти изъ Москвы даже и при прогонныхъ деньгахъ не хотѣли, а просили еще путевыхъ? За сію наглость исключить и Фелицина изъ семинаріи и отослать въ консисторію для дальнѣйшаго разсмотрѣнія. 4) Семинарскому Правленію взять въ разсужденіе для подобныхъ случаевъ, не лучше ли впредь отправлять чрезъ Московское семинарское Правленіе, и просить о немедленномъ испытаніи, чтобы не платить добрымъ людямъ за негодныхъ“.

4460. Резолюція отъ 22 августа на представленіи Правленія Московской духовной академіи съ мнѣніемъ о перемѣщеніи на классъ гражданской исторіи и греческаго языка въ Калужскую семинарію учителя греческаго и французскаго языковъ той же семинаріи кандидата Ивана Волкова, а на его мѣсто учителя Владимірской семинаріи по предмету математики и греческаго языка старшаго кандидата Ивана Предтеченскаго, по четырехъ-лѣтней его службѣ, по уваженію его прошенія для пособія престарѣлымъ родителямъ и вдовой сестрѣ съ четырьмя малолѣтними дѣтьми: „Предтеченскій не пишетъ, кто его родители, и въ службѣ ли его отецъ, или въ отставкѣ. Есть ли его отецъ на службѣ, и можетъ быть на значительномъ мѣстѣ: то и сестра призрѣна; и темное указаніе на нихъ есть только усиліе достигнуть своей цѣли. Справки о Предтеченскомъ нѣтъ; а то обстоятельство, что онъ, будучи старшій кандидатъ, не рекомендовалъ себя на степень магистра, не говоритъ въ его пользу. Посему за лучшее признаю на открывающіеся классы всеобщей исторіи и греческаго языка опредѣлить изъ нынѣшняго курса кандидата Ивана Смирнова, который по симъ предметамъ состоитъ въ первомъ разрядѣ“.

4461. Резолюція отъ 7 сентября 1834 г. на прошеніи ученика низшаго отдѣленія Московской духовной семинаріи Ивана Смирнова о принятіи его обратно въ семинарію, изъ которой онъ исключенъ по малоуспѣшности и слабому прилежанію: „Отказать. При чемъ замѣчается семинарскому Правленію, что ученикъ самъ въ себѣ признаетъ слабое прилежаніе, а Правленіе въ свѣдѣтельствѣ льститъ ему, будто онъ учился съ прилежаніемъ до-

вольнымъ. Надобно остерегаться сему Правленію, чтобы свидѣтельство его не потеряло довѣрія у начальства“.

4462. Резолюція отъ 10 октября 1834 г. на представленіи Правленія Московской духовной академіи кандидатами на замѣщеніе открывшейся въ Московской семинаріи ректорской вакансіи, съ назначеніемъ ректора архимандрита Исидора во епископа Дмитровскаго, викарія Московскаго: 1) инспектора Московской академіи, бакалавра богословскихъ наукъ магистра соборнаго іеромонаха Филарета и 2) инспектора Московской семинаріи, учителя философіи, старшаго кандидата, архимандрита Іосифа: „Поелику архимандритъ Іосифъ имѣеть два года старшинства предъ другимъ кандидатомъ; и поелику онъ съ большею пользою дѣйствовать можетъ въ семинаріи, которую уже знаетъ, подобно и іеромонахъ Филаретъ въ академіи, нежели когда бы обоихъ переставить въ мѣста менѣ знакомыя: то архимандрита Іосифа, по одобренію академіи, на основаніи 18 пункта семинарскаго устава, признаю ректоромъ Московской семинаріи, съ занятіемъ, какъ обыкновенно, имъ же и класса богословскихъ наукъ. О семъ отъ меня семинарскому Правленію предложить и Свят. Синоду по комиссіи духовныхъ училищъ донести. Іеромонаха же Филарета, въ уваженіе усердной службы при академіи, представить отъ меня Свят. Синоду къ производству въ архимандрита“.

4463. Резолюція отъ 14 октября на представленіи строительной комиссіи при Московской духовной академіи съ мнѣніемъ подрядить пристава Ильинскаго, священника Петропавловскаго и крестьянина Антонова, на поставку кирпича до 180.000 по 16 руб. 85 к. за тысячу, по силѣ условій, ими подписанныхъ для постройки каменной больницы при академіи: „1) Двухъ свѣтскихъ торговцевъ по объявленной послѣдней цѣнѣ къ поставкѣ допустить. 2) Священника не допускать, на основаніи 6 правила св. апостоль и 16 правила Карфагенскаго собора. 3) О священникахъ торговавшихъ, на основаніи тѣхъ же правилъ, довести отъ меня до свѣдѣнія ихъ епархіальнаго начальства. 4) Неизлишнимъ почитаю сказать комитету, что онъ поступилъ бы лучше, есть ли бы не допустилъ священниковъ дѣйствовать противъ правилъ церковныхъ“.

4464. Резолюція отъ 7 ноября 1834 г. на представленіи Правленія Московской духовной семинаріи объ опредѣленіи учителемъ въ высшемъ отдѣленіи Высокопетровскаго училища по классу греческаго языка и соединенныхъ съ нимъ предметовъ

кандидата Московской духовной академіи Василя Малнина: „Кандидатъ, по испытанію моему, оказался незнающимъ склоненій греческаго языка: посему 1) въ опредѣленіи его отказать; 2) семинарскому Правленію впредь быть осмотрительнѣе въ представленіи его; 3) академическому Правленію о семъ случаѣ донести для принятія мѣръ противъ невѣрныхъ аттестацій и противъ производства въ кандидаты людей, не усовершенствовавшихся въ требуемыхъ для того уставомъ познаніяхъ“.

4465. Резолюція отъ 16 ноября на представленіи Правленія Московской духовной академіи съ мнѣніемъ на замѣчанія ревизовавшаго Вологодскую семинарію и тамошнія училища, инспектора академіи іеромонаха Филарета, по части учебной: объ отмѣнѣ преподаванія богословія на русскомъ языкѣ, о порученіи преподаванія гражданской исторіи учителю Гавриилу Левандовскому, въ обоихъ классахъ, о принужденіи учениковъ къ занятіямъ по математикѣ, объ усиленіи преподаванія латинскаго языка. По Правленію; о приведеніи въ порядокъ канцеляріи. По библиотекѣ: о повѣркѣ ея каталога. По части экономической: о возвращеніи въ Вологодское семинарское Правленіе 10.000 руб., взятыхъ для архіерейскаго дома. По Вологодскимъ училищамъ: объ усиленіи занятій по латинскому языку и надзора за поведеніемъ учениковъ, и о награжденіи начальствующихъ лицъ и нѣкоторыхъ учителей семинаріи и училищъ: „Разсмотрѣвъ, предлагаю академическому Правленію, вмѣстѣ съ своими мнѣніями, представить комиссіи духовныхъ училищъ съ моей стороны слѣдующее. 1) Ревизоръ нашель, что богословія преподаваема частью на латинскомъ, частью на русскомъ. Вѣроятно, первое изъ возможнаго послушанія уставу, а послѣднее по необходимости, потому-что ученики не сильны въ латинскомъ языкѣ, какъ и ревизоръ замѣтилъ. Въ такомъ случаѣ требовать непременно преподаванія богословія исключительно на латинскомъ значило бы требовать неудобнаго и незнакомымъ языкомъ останавливать распространеніе богословскихъ познаній, тогда какъ и кромѣ сего, владычество въ православной богословіи латинскаго языка, прежде языческаго, а нынѣ папистическаго и протестантскаго, есть явленіе недовольно сообразное съ духомъ и цѣлію училищъ духовныхъ церкви восточной. Посему полагаю преподаваніе богословія на русскомъ языкѣ оставить безъ преслѣдованія. 2) Какъ философіи преподаваніе на латинскомъ болѣе свойственно; да и латинскимъ языкомъ заниматься въ семъ классѣ болѣе досужно, не-

жели въ богословіи: то подтвердить, есть ли угодно, чтобы въ философскомъ классѣ и уроки преподавали на латинскомъ, и учениковъ въ знаніи сего языка усовершенствовать продолжали. 3) Не излишнимъ полагаю, обратить вниманіе на своевольное, въ противность устава, введеніе учебныхъ книгъ, напримѣръ, какой-то книжки Вѣтренскаго, которой даже и заглавіе неизвѣстно. 4) Порученіе одному наставнику обучать гражданской исторіи, въ двухъ раздѣленныхъ доселѣ классахъ, не можетъ признано быть теперь удобнымъ, когда прежде признано нужнымъ раздѣленіе оныхъ, потому-что обученіе однимъ наставникомъ въ одни часы соединило бы опять раздѣленные классы въ одинъ. 5) Какъ ректоръ и инспекторъ Вологодскихъ училищъ протоіерей Вѣнскій и Васильевскій въ училищѣ не живутъ: то для надзора за бурсаками нужнымъ признаю протоіерея Васильевскаго отъ должности инспектора уволить и опредѣлить инспекторомъ такого учителя, который бы жилъ при училищѣ. 6) Не признаю удобнымъ просить награжденія ректору, блюстителю, особенно учебной части, тогда какъ въ составленіи сей части ревизоромъ найдены важные недостатки, какъ-то, знаніе церковной исторіи вообще не болѣе, какъ посредственное, незанятіе математикою болѣе третьей части учениковъ, чему не слѣдовало быть при внимательномъ за классами надзорѣ, употребленіе неодобренныхъ начальствомъ учебныхъ книгъ, слабое знаніе философіи. 7) Просить награжденія профессору математики также удобнымъ не признаю, когда у него болѣе третьей части учениковъ вовсе не занимались дѣломъ: награжденіе въ семь случаевъ могло бы послужить поводомъ учителю нерадѣть о ученикахъ, нерадящихъ о дѣлѣ. 8) Ректору уѣздныхъ училищъ, по моему мнѣнію, также нельзя испрашивать признательности, когда латинскій классъ у него найденъ слабымъ. 9) Впрочемъ соглашаюсь съ мнѣніемъ академическаго Правленія“.

4466. Резолюція отъ 17 ноября на представленіи отъ Правленія Московской академіи замѣчаній ревизовавшаго Костромскую семинарію и тамошнія училища инспектора академіи іеромонаха Филарета съ мнѣніемъ о награжденіи начальствующихъ и учащихъ въ семинаріи и училищахъ: „Ректору просить награжденія удобнымъ, не признаю; потому-что онъ, какъ изъ самаго донесенія ревизора видно, состоитъ подъ отвѣтственностію за безпорядки управленія; потому-что безпорядки сіи видны также въ самомъ донесеніи ревизора, какъ напримѣръ, смѣшеніе дѣлъ и

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей.

9 сентября.

№. 36.

1907 года.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Его Высокопреосвященствомъ 25 авг. настоятель Златоустовскаго монастыря архимандритъ *Алипій* назначенъ благочиннымъ монастырей г. Москвы епархіальнаго вѣдомства.

Опредѣленъ:

И. д. псаломщика Коломенскаго Успенскаго собора, бывшій воспитанникъ I-го класса Моск. дух. семинаріи *Василій Преображенскій*, 24 авг.

Уволенъ за штатъ:

Псаломщикъ Коломенскаго Успенскаго собора *Николай Ботатыревъ*, согласно прошенію, 24 авг.

Исключенъ изъ списковъ умершій:

Благочинный монастырей епархіальнаго вѣдомства г. Москвы, настоятель Срѣтенскаго монастыря, архимандритъ *Никонъ*, 25 авг.

Отъ Правленія Виѣанской семинаріи.

Въ Виѣанской духовной семинаріи состоитъ вакантной должность надзирателя. Лица, желающія занять эту должность, имѣють обращаться съ прошеніями на имя Правленія семинаріи.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Волоколамскомъ духовномъ училищѣ въ началѣ 1907—1908 года.

1) Смотритель училища, статскій совѣтникъ, *Михаиль Константиновичъ Казанскій*, кандидатъ Московской духовной академіи 1886 года; 14 юлія 1886 года помощникъ секретаря Совѣта и Правленія той-же академіи; 15-го августа секретарь; 5-го марта 1896 года смотритель Волоколамскаго духовнаго училища и 25-го авгу-

ста 1907 года преподаватель русской церковной и гражданской истории въ 3-мъ классѣ. Имѣеть ордена св. Станислава 3 ст., св. Анны 3 ст. и св. Станислава 2 ст.

2) Помощникъ смотрителя, статскій совѣтникъ, *Сергій Александровичъ Новоселовъ*, кандидатъ Московской духовной академіи 1886 года; 29-го октября 1887 года преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшихъ классахъ Волоколамскаго духовнаго училища; 20-го марта 1889 года преподаватель латинскаго языка того-же училища; 5-го ноября 1897 года помощникъ смотрителя того-же училища; 25 августа 1907 года преподаватель русской церковной и гражданской истории въ 4-мъ классѣ. Имѣеть ордена св. Станислава 3 ст. и св. Анны 3 ст.

Преподаватели:

3)—Географіи, ариеметики и природовѣдѣнія, коллежскій совѣтникъ, *Николай Александровичъ Ивановскій*, кандидатъ Московской духовной академіи 1896 года; 9 го октября 1897 года преподаватель латинскаго языка Волоколамскаго духовнаго училища; 29-го сентября 1906 года преподаватель географіи, ариеметики и природовѣдѣнія. Имѣеть орденъ св. Станислава 3-й степени.

4)—Греческаго и латинскаго языковъ, надворный совѣтникъ, *Владиміръ Григорьевичъ Подобьдовъ*, кандидатъ Казанской духовной академіи 1900 года; 25-го января 1901 года преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшихъ классахъ Макарьевскаго духовнаго училища; 23-го іюня 1905 года преподаватель греческаго языка Волоколамскаго духовнаго училища; 4-го ноября 1906 года преподаватель греческаго и латинскаго языковъ.

5)—Русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшихъ классахъ *Павель Алексѣевичъ Кудиновъ*, кандидатъ Московской духовной академіи 1903 года; 28 августа 1903 года преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшихъ классахъ Волоколамскаго духовнаго училища.

6)—Русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ 1-мъ классѣ *Михаилъ Алексѣевичъ Троицкій*, студентъ Московской духовной семинаріи; 2-го марта 1901 года учитель и законоучитель церковно приходской школы деревни Авсюнина, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи; 18-го октября 1902 года надзиратель Волоколамскаго духовнаго училища; 27 го октября 1903 года преподаватель русскаго языка въ 1 мѣ классѣ того-же училища.

7)—Церковнаго пѣнія, личный почетный гражданинъ *Григорій Ивановичъ Козловъ*. Окончилъ курсъ въ С.-Петербургской пѣвческой капеллѣ 1883 года; 1-го сентября 1883 года учитель пѣнія въ Волоколамскомъ духовномъ училищѣ.

8) Учитель чистописанія и черченія *Иванъ Николаевичъ Васильевскій*, студентъ Вианской духовной семинаріи; 29-го марта 1905 года учитель чистописанія въ Волоколамскомъ духовномъ училищѣ; 1-го октября 1906 года учитель черченія.

Надзиратели:

9) *Иванъ Васильевскій*, студентъ Виѣанской духовной семинаріи 1903 года; 4-го марта 1904 года надзиратель Волоколамскаго духовнаго училища.

10) *Константинъ Багрецовъ*, студентъ Московской духовной семинаріи 1903 года; 26-го августа 1903 года учитель Богословско-Могильцевской церковно приходской школы; 8-го декабря 1905 года надзиратель Волоколамскаго духовнаго училища.

11) Врачъ коллежскій совѣтникъ *Михаилъ Николаевичъ Плотниковъ*; съ 13-го августа 1884 года въ настоящей должности.

12) Экономъ—учитель пѣнія *Григорій Козловъ*.

В Ъ Д О М О С Т Ъ

денежныхъ средствъ, поступившихъ въ Московскій Епархіальный Комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу голодающихъ.

(Продолженіе. См. № 35).

№№		Руб.	К.
1120.	Отъ Храма Христа Спасителя	15	38
1121.	Отъ Покровской, при д. призрѣнія имени Гурьевой, церкви	7	80
1122.	Отъ Богоявленской, въ Елоховѣ, ц.	20	81
1123.	Черезъ о. благочиннаго Срѣтенскаго сорока протоіерея В. Остроухова—отъ церквей	80	94
1124.	Отъ Николаевской, въ Залицкой, ц.	10	—
1125.	Черезъ о. благочиннаго Богородскаго у., священ. М. Махаева—отъ церквей.	57	19
1126.	Отъ Борисоглѣбской, у Арбатскихъ воротъ, ц.	1	28
1127.	Отъ Николо-Дербеновской ц.	3	—
1128.	Отъ Знаменской, на Знаменкѣ, ц.	1	25
1129.	Отъ Скорбященской, на Калитниковскомъ кладбищѣ, церкви	19	52
1130.	Отъ Троицкой, при Сиротскомъ приотѣ бр. Бахрушиныхъ, ц.	17	50
1131.	Отъ Александрo-Невской, при Мѣщанскомъ училищѣ, церкви	5	—
1132.	Отъ Христорожественской, въ Кудринѣ, ц.	4	30
1133.	Отъ Преображенской, въ Пушкиряхъ, ц.	32	—
1134.	Отъ Тихвинской, на Бережкахъ, ц.	5	45
1135.	Отъ Иоанно-Предтечевской, с. Садковъ, ц., Звенигородскаго у.	2	—
1136.	Отъ Параскевѣевской, на Пятницкой, ц.	17	50
1137.	Отъ Знаменскаго монастыря	2	58
1138.	Черезъ о. благоч. Богородскаго у. священ. А. Холмогорова—отъ церквей	97	33

№№		Руб.	К.
1139.	Чрезъ о. благоч. Подольскаго у. протоіеря Н. Сироткина—отъ церквей	12	22
1140.	Чрезъ о. благоч. Московскаго у. священ. Н. Делекторскаго—отъ церквей	16	60
1141.	Отъ Богородицерождественской, у р. Захаровки, ц., Бронницкаго у.	1	—
1142.	Чрезъ о. благоч. г. Можайска протоіеря С. Смирнова—отъ церквей	9	92
1143.	Отъ Николаевской, с. Наро-Фоминскаго, ц., Верейскаго у.	11	95
1144.	Чрезъ о. благочиннаго Можайскаго у. священника П. Ремизова—отъ церквей	8	52
1145.	Отъ Успенской, с. Гжели, ц., Бронницкаго у.	2	—
1146.	Отъ Воскресенской, с. Ашиткова, ц., Бронницкаго у.	8	—
1147.	Отъ Борисо-Глѣбско-Аносина монастыря	—	70
1148.	Отъ Михаило-Архангельской, с. Кубинскаго, ц., Верейскаго у.	6	46
1149.	Чрезъ о. благоч. Дмитровскаго у. священника Д. Березкина—отъ церквей	110	18
1150.	Чрезъ о. благоч. Клинскаго у. священника І. Мазурова—отъ церквей	20	57
1151.	Чрезъ о. благочиннаго Дмитровскаго у. священника Г. Гусева—отъ церквей	25	30
1152.	Чрезъ о. благоч. Бронницкаго у. священника М. Соловьева—отъ церквей	25	—
1153.	Чрезъ о. благоч. Клинскаго у. священника А. Львова—отъ церквей	44	92
1154.	Отъ Вознесенской, с. Рѣчиць, церкви, Бронниц. у.	1	25
1155.	Отъ Николаевской, с. Муромцева, ц., Дмитров. у.	7	—
1156.	Отъ Троицкой, с. Чашникова, ц. Московскаго у.	3	—
1157.	Отъ Преображенской, с. Спасъ-Заулокъ, ц., Клинскаго у.	6	50
1158.	Отъ Богородицерождественской, с. Руднева, ц., Верейскаго у.	5	30
1159.	Чрезъ о. благоч. Коломенскаго у. протоіеря В. Покровскаго—отъ церквей	16	10
1160.	Отъ Петровской, с. Петровскаго, ц., Верейскаго у.	3	—
1161.	Отъ Михаило-Архангельской, въ Куньѣ, церкви, Богородскаго у.	1	37
1162.	Отъ Вознесенской, с. Еремѣева, ц., Звенигород. у.	—	80
1163.	Отъ Космо-Даміанской, с. Алешина, ц., Бронниц. у.	—	75
1164.	Чрезъ о. благоч. г. Коломны протоіеря А. Лебедева—отъ церквей	16	12
1165.	Отъ церкви с. Шестакова, Клинскаго у.	10	—
1166.	Отъ Троицкой, при Ермаковской богадѣльнѣ, ц.	3	—
1167.	Отъ служащихъ г. Павлова изъ г. Смоленска	3	—

№№		Руб.	К.
1168.	Черезь о. благоч. Серпуховскаго у. священника Н. Сперанскаго—отъ церквей	11	80
1169.	Отъ Вознесенской, заштатнаго г. Воскресенска, ц.	7	—
1170.	Отъ Серпуховскаго Высотскаго монастыря	4	25
1171.	Отъ Спасо-Бородинскаго монастыря	5	20
1172.	Отъ Успенской, г. Клина, ц.	3	—
1173.	Отъ Спасской, въ Барыковской богадѣльнѣ, ц.	4	22
1174.	Отъ Воскресенской, въ Монетчикахъ, ц.	7	30
1175.	Отъ Воскресенской, въ Гончарахъ, ц.	2	11
1176.	Отъ Никитской, за Яузой, ц.	4	45
1177.	Отъ Параскевѣвской, въ Охотномъ ряду, ц.	5	91
1178.	Отъ Саввинской, на Саввинской улицѣ, ц.	7	36
1179.	Отъ Христорожественской, с. Осташкова, ц. Московскаго у.	6	—
1180.	Отъ Троицкой, на Листахъ, ц.	5	—
1181.	Отъ Стефановской, за Яузой, ц.	1	15
1182.	Отъ Варваринской, на Варваркѣ, ц.	5	12
1183.	Отъ Васильевской, въ Новой Деревнѣ, ц.	6	—
1184.	Отъ Троицкой, на Арбатѣ, ц.	4	5
1185.	Отъ Смоленской, на Арбатѣ, ц.	7	76
1186.	Отъ Духосошестввенской, у Пречистенскихъ воротъ, ц.	—	56
1187.	Отъ Скорбященской, въ Яузской больницѣ, ц.	3	10
1188.	Отъ Софійской, на Лубянкѣ, ц.	3	53
1189.	Отъ Николаевской, что въ Новомъ Ваганьковѣ, ц.	13	74
1190.	Отъ Николаевской, на Пескахъ, ц.	3	20
1191.	Отъ Иоанно-Предтечевской, въ Кречетникахъ, ц.	1	90
1192.	Отъ Успенской, въ Крутицахъ, ц.	11	—
1193.	Черезь о. благочиннаго Китайскаго сорока протоіерея К. Богоявленскаго—отъ церквей	65	72
1194.	Отъ Николо Угрѣнскаго монастыря	15	—
1195.	Отъ Тихвинской, въ Сущевѣ, ц.	15	80
1196.	Отъ Николаевской, на Ямахъ, ц.	2	17
1197.	Отъ Вознесенской, за Серпуховскими воротами, ц.	18	—
1198.	Отъ Троицкой, с. Троицкаго-Сельцы, церкви, Московскаго у.	6	75
1199.	Отъ Князе-Владимірской, въ С. Садѣхъ, ц.	6	10
1200.	Отъ Чудова монастыря	5	46
1201.	Черезь о. благочиннаго Никитскаго сорока протоіерея М. Соболева—отъ церквей	44	8
1202.	Черезь о. благочиннаго Ивановскаго сорока протоіерея М. Геликонскаго—отъ церквей	21	55
1203.	Отъ Владычне-Покровской Общины	20	11
1204.	Отъ Климентовской, на Пятницкой, ц.	10	16
1205.	Отъ Вознесенскаго монастыря	6	95
1206.	Отъ Страстнаго монастыря	7	85
1207.	Черезь о. благочиннаго Московскаго у., священника С. Парусникова—отъ церквей	20	2

№№		Руб.	К.
1208.	Отъ Воскресенской, при Ахлабаевскомъ домѣ, ц.	185	5
1209.	Отъ Алексѣевского монастыря	12	10
1210.	Отъ Воскресенской, при Екатерининскомъ богадѣльн. домѣ, ц.	60	16
1211.	Отъ Похвальской, въ Башмаковѣ, ц.	1	5
1212.	Отъ Воскресенской, въ Барашахъ, ц.	52	53
1213.	Отъ Грузинской, на Воронцовомъ полѣ, ц.	72	25
1214.	Отъ Николаевской, въ Дербентскомъ, ц.	2	55
1215.	Отъ Тихвинской, въ Малыхъ Лужникахъ, ц.	2	36
1216.	Чрезъ о. благочиннаго Подольскаго у. священника П. Тропаревского—отъ церквей	87	—
1217.	Отъ Сергіевской, въ Рогожской, ц.	21	50
1218.	Отъ Иоанновинской, на Калужской улицѣ, ц.	8	40
1219.	Отъ Тихоновской, на Арбатской площади, ц.	2	90
1220.	Отъ Николаевской, на Болвановкѣ, ц.	4	70
1221.	Отъ Успенской, на Малой Дмитровкѣ, ц.	1	63
1222.	Отъ Богородицерождественской, на Старомъ Симоновѣ, ц.	2	18
1223.	Отъ Покровской, въ Левшинѣ, ц.	2	20
1224.	Отъ Георгіевской, на Лубянкѣ, ц.	3	49
1225.	Отъ Вознесенской, на Гороховомъ полѣ, ц.	26	—
1226.	Отъ Знаменскаго монастыря	2	17
1227.	Отъ Страстнаго монастыря	6	5
1228.	Отъ Храма Христа Спасителя	12	6
1229.	Отъ Крестовоздвиженскаго Иерусалимскаго монастыря	1	30
1230.	Отъ Зачатьевскаго монастыря	7	20
1231.	Отъ Успенской, въ Печатникахъ, ц.	1	79
1232.	Отъ Срѣтенскаго монастыря	3	48
1233.	Чрезъ о. благочиннаго Бронницкаго у. протоіерея М. Суворовскаго—отъ церквей	12	40
1234.	Отъ Тихвинской, с. Бурцева, ц. Верейскаго у.	5	—
1235.	Отъ Вознесенской, с. Рѣчицъ, ц. Бронницкаго у.	2	5
1236.	Чрезъ о. благочиннаго Клинскаго у. священ. Д. Пыкина—отъ церквей	25	—
1237.	Чрезъ о. благочиннаго Дмитровскаго у. священ. А. Архангельскаго—отъ церквей	17	—
1238.	Отъ Богоявленской, г. Вереи, ц.	3	—
1239.	Отъ Свято-Троицкаго Александро-Невскаго монастыря	1	—
1240.	Отъ Троицкой, при д. Каменкѣ, ц. Богородскаго у.	1	—
1241.	Чрезъ о. благочиннаго Дмитровскаго у., священ. П. Преображенскаго—отъ церквей	14	50
1242.	Чрезъ о. благочиннаго Звенигородскаго у., священ. С. Владиславлева—отъ церквей	2	10
1243.	Чрезъ о. благочиннаго Богородскаго у., священ. М. Розанова—отъ церквей	15	65
1244.	Чрезъ о. благочиннаго Подольскаго у., священ. Н. Некрасова—отъ церквей	11	14

№.№		Руб.	К.
1245.	Черезь о. благочиннаго архимандрита Валентина — отъ церквей	47	58
1246.	Черезь о. благочиннаго Бронницкаго у., протоіеря І. Казанцева—отъ церквей	5	75
1247.	Черезь о. благочиннаго Богородскаго у., протоіеря М. Розанова—отъ церквей	20	18
1248.	Черезь о. благочиннаго Подольскаго у., протоіеря Н. Воскресенскаго—отъ церквей	21	90
1249.	Черезь о. благочиннаго г. Бронницъ, протоіеря В. Толгскаго—отъ церквей	45	50
1250.	Черезь о. благочиннаго г. Богородска, протоіеря К. Голубева—отъ церквей	135	97
1254.	Черезь о. благочиннаго Бронницкаго уѣзда, священ. А. Никулинскаго—отъ церквей	10	30
1255.	Отъ Воскресенской, въ Малой Бронной, ц.	5	90
1256.	Отъ Сорокосвятской, у Повоспасскаго монастыря, ц.	14	5
1257.	Отъ Николо-Покровской, на Покровкѣ, ц.	30	46
1258.	Отъ Воскресенской, въ Гончарахъ, ц.	2	35
1259.	Отъ Успенской, въ Гончарахъ, ц.	—	70
1260.	Отъ Покровской, с. Колычева, Звенигородскаго у., ц.	2	—
1261.	Отъ Георгіевской, на Моховой, ц.	4	18
1262.	Отъ Іоанно-Предтечевской, на Прѣси, ц.	6	25
1263.	Отъ Борисоглѣбской, у Арбатскихъ вѳрѳтъ, ц.	—	87
1264.	Отъ Десятинской, близъ Прѣсени, ц.	4	50
1265.	Отъ Неопалимовской, близъ Дѣвичьяго поля, ц.	3	—
1266.	Отъ Скорбященской, на Зацѣи, ц.	31	—
1267.	Отъ Сергіевской, въ Рогожской, ц.	13	60
1268.	Отъ Сергіевской, въ Рогожской, ц.	5	45
1269.	Отъ Скорбященской, при Алексѣевской больн. ц.	8	53
1270.	Отъ Троицкой, на Шаболовкѣ, ц.	8	11
1271.	Отъ Николаевской, на Ямахъ, ц.	1	64
1272.	Отъ Алексѣевскаго дѣвичьяго монастыря	10	10
1273.	Отъ Богоявленскаго монастыря	17	1
1274.	Отъ Тихвинской, въ Сущеѣ, ц.	5	90
1275.	Черезь о. благочиннаго Звенигородскаго уѣзда, свящ. М. Кудрина—отъ церквей	71	55
1276.	Отъ Космодамианской, въ Садовникахъ, ц.	16	—
1277.	Отъ Скорбященской, на Калитниковскомъ кладбищѣ, ц.	15	9
1278.	Отъ Троицкой, въ приуѣтѣ Цесаревны Маріи, ц.	5	—
1279.	Отъ Борисоглѣбской, на Поварской, ц.	—	46
1280.	Отъ Успенской, на Могильцахъ, ц.	3	24
1281.	Отъ Предтечевской, въ Старой Конюшенной, ц.	2	—
1282.	Отъ Параскевѣевской, въ Охотномъ ряду, ц.	5	62
1283.	Отъ Благовѣщенской, на Бережкахъ, ц.	8	6
1284.	Отъ Аннинской, въ д. призрѣнія имени Мазуриныхъ, церкви	5	—
1285.	Отъ Георгіевской, на Лубянкѣ, ц.	3	21

№№	Руб.	К.
1286.	Чрезъ о. благочиннаго Московскаго уѣзда, священ.	
	В. Глаголева—отъ церквей	18 45
1287.	Отъ Чудова монастыря	5 77
1288.	Отъ Единовѣрческаго дѣвичьяго монастыря	26 10
1289.	Отъ Стефановской, при Дворянской богадѣльнѣ имени С. Д. Печаева,—ц.	1 89
1290.	Отъ Александрo-Невской, при Мѣщанскихъ учил., ц.	4 20
1291.	Отъ Зачатіевскаго монастыря	7 5
1292.	Отъ Богоявленской, въ Елоховѣ, ц.	17 37
1293.	Отъ Казанской, у Калужскихъ воротъ, ц.	53 35
1294.	Отъ Воскресенской, при Екатерининскомъ б. домѣ, ц.	5 33
1295.	Отъ Поводѣвичьяго монастыря	13 —
1296.	Отъ Николо-Перервинскаго монастыря	21 —
1297.	Чрезъ о. благочиннаго Замоскворѣцкаго сорока про- тоіерея Н. Кошова—отъ церквей	54 92
1298.	Отъ Срѣтенскаго монастыря	3 63
1299.	Отъ Троицкой, въ Вишнякахъ, ц.	2 35
1300.	Отъ Похвальской, въ Башмаковѣ, ц.	1 50
1301.	Отъ Вознесенской, за Серпуховскими вор., ц.	18 —
1302.	Отъ Покровскаго Миссіонерскаго монастыря	4 1
1303.	Отъ Александрo-Невской, при училищѣ Пр. Ольден- бургскаго, ц.	2 40
1304.	Отъ Троицкой, въ Большихъ Лужникахъ, ц.	4 20
1305.	Отъ Воскресенской, въ Таганкѣ, ц.	8 53
1306.	Отъ Высоко-Петровскаго монастыря	12 88
1307.	Отъ Успенской, на Остоженкѣ, ц.	7 66
1308.	Отъ Духосошественской, на Даниловскомъ клад., ц.	5 —
1309.	Отъ Сергіевской, въ Пушкаряхъ, ц.	2 63
1310.	Отъ Крестовоздвиженскаго Іерусалимскаго ж. монаст.	1 45
1311.	Отъ Софійской, на Лубянкѣ, ц.	2 4
1312.	Отъ Василіевской, въ Новой Деревнѣ, ц.	5 50
1313.	Отъ Димитріевской, въ Голицынской больницѣ, ц.	4 35
1314.	Отъ Николаевской, въ Хлыновѣ, ц.	9 48
1315.	Отъ Духосошественской, у Пречистенскихъ вор., ц.	— 50
1316.	Отъ Предтечевской, с. Финеева, Верейскаго у., ц.	7 6

(Продолженіе слѣдуетъ).

Содержаніе. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. — Отъ Правленія Виоанской семинаріи.—Списокъ лицъ, служащихъ въ Волоколамскомъ духовномъ училищѣ въ началѣ 1907—1908 учебнаго года.—Вѣдомость денежныхъ средствъ, поступившихъ въ Московскій Епархіальный Комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу голодающихъ.

Цензоръ
Протоіерей Н. Извъновъ.

Редакторъ Секретарь Консисторіи
П. Беллавинъ.